

Хеленг Харт ДВУХГОЛОВАЯ ХИМЕРА

18+

Хелег Харт

Двухголовая химера

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Хелег Харт

Двухголовая химера / Хелег Харт — «ЛитРес: Самиздат», 2013

"Если твои решения и поступки приводят тебя на край гибели, что-то ты делаешь не так". Именно к такому выводу приходит Энормис после того, как попытки раскрыть тайны прошлого едва не свели его в могилу. А на горизонте маячит новая угроза - пока неясная, но уже ощутимая. Некто могущественный имеет планы на Нирион, и они идут в разрез с представлениями Энормиса о счастливом будущем. Его подруга пропала, а таинственное Отражение из снов продолжает загадывать загадки. Да и от прошлого так просто не отмахнуться...

© Хелег Харт, 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Глава XI. Смерть – вечна	5
Глава XII. В ледяных стенах	25
Глава XIII. Бесконечная агония	46
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава XI. Смерть – вечна

Её смех звенит совсем рядом. Вокруг вздымается лес безупречно чистых зеркал, в которых я не отражаюсь, а потому вижу только вложенную саму в себя бесконечность. Где-то среди этих пространств-обманок прячется озорная девчонка, чей голос я слышу, но не могу определить направление; она словно повсюду и нигде.

Ладонью я ещё чувствую тепло её руки. Оно исчезает – словно последний выдох, который только что покинул лёгкие.

Мой кулак обрушивается на ближайшее зеркало, и звон заполняет мир. Осколки разлетаются во все стороны, фальшивая беспредельность рушится на глазах. На моих руках проявляются глубокие порезы. Тяжёлые красные капли сryваются вниз, на лету превращаясь в воду, которая утекает, утекает, утекает...

Впереди виднеется женский силуэт, и всё вокруг него распадается на части. Горы, леса, моря и солнце оплывают, ломаются, теряют очертания; вселенная, утратившая самую свою суть, гибнет, на глазах превращаясь в гротескное месиво форм и цветов. В этом абсурде, где ничто не в состоянии просуществовать дольше мгновения, одна Она остаётся прежней. Та, что стоит передо мной. Одна Она – яркая, отчётливая, понятная. Родная. Остров осмысленности и покоя посреди океана агонизирующего хаоса.

Она стоит спиной и ждёт, когда я снова её коснусь. Как перед тем, когда мы вместе прыгнули в пропасть, и её рука выскользнула из моей...

Я тянусь вперёд. Её плечи ссутулены, поза расслабленная – Она давно устала ждать. Нечто странное мерещится мне в её облике, но я тоже слишком устал без неё. Словно нас разделяет целая вечность.

Моя рука касается её пальцев – холодных, как лёд. Она оборачивается.

– Привет, безымянный, – говорит не-Лина. – Вот и ты наконец.

Её взгляд потухший, усталый, но где-то в глубине бесцветных глаз теплится огонёк интереса.

– Кто ты? – спрашиваю я, отпрянув. – Где Лина?

– Зови меня Малика, – шелестит Она с улыбкой. – Ты должен пойти со мной.

– Но я не могу, – отвечаю я, сам не зная почему.

– Ты должен. Если не ты, то другие пойдут. И это будет неправильно.

Её голос тих и приятен, его хочется слушать бесконечно. Но почему же она так холодна?..

И вдруг до меня доходит:

– Я уже видел тебя. Видел.

– И ты сбежал. Но пока не поздно – идём. Ты – ошибка, – глаза Малики наполняются сожалением.

– Я не могу пойти с тобой. Меня ждут, – невпопад бормочут мои губы.

Она понимающе улыбается.

– Я всё равно заполучу тебя, так или иначе.

– У меня нет выбора?

– Есть. И ты его сделал, – тяжкий вздох.

Её глаза на мгновение затуманиваются печалью – и снова проясняются.

– До встречи, безымянный, – её губы мимолётно касаются моих, оставив на них обжигающий холод. – Я буду ждать.

И наступает покой.

* * *

Мои уши уловили звук, по которому скучали долгое время, но я никак не мог его узнать. Оступение, овладевшее мной, достигло масштабов гениальности. Я мог слышать и дышать, но был настолько этим удивлён, что испугался. Подумал: «Это что, я всё ещё жив?!»

Но потом разум вернулся – рывком, словно с разбегу. Я вдруг осознал, что нахожусь внутри саднящего мешка с костями, побывавшего как минимум в мясорубке. И этот мешок – моё тело. Болели зубы, язык, глаза, а под веки словно песка насыпали. Желудок, скрученный в тугой комок, так и норовил выпрыгнуть наружу или хотя бы вывернуться наизнанку. Учитывая всё это, я скорее воскрес, чем проснулся. Радоваться не хватало сил, но какое же это было блаженство – слышать, как ветер шумит кронами деревьев!

Я попытался приподняться и тут же со стоном упал, потому что мир перед глазами вращался волчком. Всё, что успел захватить мой затуманенный взгляд – ночное небо и отсвет костра, потрескивающего рядом.

– Очнулся? – надо мной нависла тень. – Как себя чувствуешь?

– Как труп, – промямлил я.

– Ты был при смерти. Дважды переставал дышать. Мы еле тебя вытащили.

– Сколько меня не было?..

– Примерно шесть дней. После того, как ты чуть не вскипятил нас вместе с озером, мы ещё долго шли по пещерам.

Только теперь я понял, что надо мной стоит Рэн.

– А Кир?

– Нормально. Тебе досталось больше всех. А мы по незнанию потом ещё и отравились все... Мы с гномом легче перенесли, а тебя это чуть не добило. Тебе бы и сейчас лучше поспать.

Меня затрясло – то ли от холода, то ли от слабости.

– Пить, – только и вымолвил я.

К моим губам поднесли мехи, и внутрь потекла прохладная жидкость. Чистая, свежая вода. Каждый глоток приносил облегчение и тупую боль в животе. Я почувствовал, что теряю сознание.

– Лину... Лину нашли? – пробормотал я, уже проваливаясь в забытие.

– Спи, – ответил Рэн, словно из другого мира. – Потом поговорим.

* * *

Поутру меня разбудили птицы, на разные лады щебечущие и свистящие над головой. По сравнению с прошлым пробуждением стало намного легче. По крайней мере боль уже не замутилась восприятие, а запах жареного мяса, плывущий вокруг, не вызывал приступов тошноты. Я даже смог есть.

Надо мной нависала крыша шалаша – небольшого, только чтобы защититься от дождя и ветра. Из него открывался чудесный вид: небольшая полянка под сенью раскидистых деревьев, чуть подалее – выпуклый зелёный склон, похожий на живот толстяка-великана, а ещё дальше высилась цепь заснеженных пиков.

На этот раз рядом оказался Кир. Он сидел на чурке у тлеющего кострища и остриём моего меча что-то вырезал из деревяшки. Рэна было не видно.

Я покряхтел – чуть громче, чем требовалось.

– О, ну надо же кто у нас глазки открыл! – Гном тут же бросил своё занятие и подошёл ко мне. – Наотдыхался наконец?

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал я, шурясь спросонья. – Где Рэн?

– Вроде бы пошёл набрать дров и поохотиться. Как самочувствие-то?

– Жить буду. Расскажи лучше, что произошло.

– Хоть поешь сначала, – Кир снял с остывающего костра жареную рыбину, насаженную на палку, и протянул мне. – Вот, налетай. На этот раз не ядовитая.

При виде еды меня настиг рвотный позыв, но вслед за ним дал о себе знать и голод.

Я взял угощение здоровой рукой – вторая была все ещё плотно перетянута повязкой и плохо слушалась.

– Я буду есть, а ты – рассказывать.

– С какого момента?

– Да прямо с того, где мы смылись от той здоровенной химеры.

Кир, хмыкнув, вернулся к вырезанию ложки из сучка и начал рассказывать. Я почти не прерывал, лишь иногда задавая уточняющие вопросы. Выяснилось следующее.

После того, как нас вынесло течением из той затопленной пещеры, поток довольно долго нёс всю нашу компанию по тоннелю без берегов. Моё вяло барахтающееся тело держал на плаву Кир. Ему сильно мешали мои мечи: один я стиснул в руке, а другой, будучи замагниченным с первым, волочился за нами следом по дну. Гном утверждал, что уже намеревался бросить меня, когда тоннель расширился и обмелел – дальше по нему можно было идти, хоть и по пояс в воде. Так наша компания и добралась до притока этой подземной реки, почти пересохшего, но успевшего пробить себе широкий проход в скале. Передохнув, мои спутники решили идти вверх по руслу притока – потому что спускаться уже никому не хотелось.

...В этом месте рассказа из зарослей появился Рэн, с самодельным луком в одной руке и подстреленным длиннолапым зайцем – в другой. Пуэри поприветствовал меня странным движением руки, сел рядом и молча занялся своей добычей. В разговоре, который вёлся на Локуэле, он пока поучаствовать не мог.

Почти день они с Киром шли вверх по притоку. Меня волочили на себе попеременно. Ручей вывел их к большой глубокой луже, где Рэну удалось поймать несколько рыбин. Не разводя огня, добычу разделали и съели – и даже меня накормить не забыли. Спустя полчаса пуэри вывернуло наизнанку, и тот начал на жестах объяснять Киру, что нужно засунуть два пальца в рот: рыба оказалась ядовитой. От этого у меня и начались бред и лихорадка, которые не прекращались ещё пару дней.

Пришлось двигаться дальше на голодный желудок. Склон становился всё круче, а сил оставалось всё меньше. Медленно, но верно охотник и копатель тащили меня по извилистой пещере ещё день, а потом ещё полдня. За это время я дважды пытался умереть, но благодаря знаниям Рэна меня оба раза откачали. Даже Кир удивился моей живучести, сказал: «Таких тяжёлых больных у нас добывать принято, потому что всё равно уже не жильцы». Я тут же горячо поблагодарил его за то, что не добил.

Тем более что второй раз меня спасали уже почти на поверхности, чувствуя свежий воздух. Вода вывела нас в долину, когда солнце уже почти скрылось за горными вершинами. Кое-как наевшись найденной поблизости дикой малиной, мои спутники завалились спать, а наутро донесли меня до этого места и разбили лагерь. На свежей воде и нормальной еде я пошёл на поправку уже на следующий день.

– Так что это за долина, Кир? – спросил я, доставая изо рта рыбы кости. – Где именно мы находимся?

Гном задумчиво оглядел заснеженные пики.

– Не знаю точно. Где-то в глубине Тингар. Ходили слухи, что где-то на северо-западе от Небесного Пика есть долина, в которую очень трудно попасть. Перевалы закрыты снегом восемь месяцев в году и находятся высоко. Укромная – так она у нас называется. Если это – не она, то вообще не знаю, где мы.

– Люди здесь есть?

– Мы пока не видели. Зато зверья полно, птиц. Буйволы есть, дикие лошади по лугам носятся. Тут можно неплохо устроиться. Долина вытянута с юго-запада на север-восток, на глаз скажу, лиг под десять в длину и в среднем около двух в ширину. Есть где развернуться.

– А куда мы попадём, если двинемся прямо на запад?

– В Чернотопье... – пожал плечами гном и тут же встрепнулся: – Постой! Куда это ты собрался на запад?

Я помолчал, дожёвывая последний кусочек рыбы.

– В Лотор. Лину забрали Меритари, я почти уверен. Надо её вызволить.

Кир даже в лице переменялся.

– Сдурел, длинный? Это же Меритари. Не ты ли говорил, что они вас собираются заживо сжечь? Да там ведь война уже небось в самом разгаре! Надо не туда бежать, а оттуда!

Челюсти у меня стиснулись сами собой.

– Не хочешь – не иди. – выдавил я сквозь зубы. – А я Лину бросать не собираюсь.

Гном, уловив непререкаемость тона, замолчал и насупился. Было видно, как ему хочется высказаться на тему моих умственных способностей. Я даже приготовил парочку хлёстких фразочек, чтобы ответить ему, но гном почему-то смолчал.

– Так и знал ведь, – пробормотал он в бороду, ожесточённо пуская свою поделку на стружку. – Ну ведь так и знал...

– О чём вы поспорили? – подал голос ничего не понимающий Рэн.

– Выбираем дальнейшее направление, – буркнул я. – Слушай, как вы вообще общались с Киром без меня?

Пуэри усмехнулся.

– Жестами, рисунками, звуками. Как только не изгалялись. Но ничего, в итоге насобачились немного. Он даже стал учить меня вашему Локуэлу, – и в доказательство этого охотник вскинул руку и радостно выкрикнул на всеобщем: – Жопа!

Я медленно повернулся к Киру. Тот, скорчив донельзя сосредоточенную мину, делал вид, что занят своей заготовкой и ничего не слышит.

– И что это слово означает, он тебе сказал? – невозмутимо спросил я пуэри.

Гном поспешно вскочил и направился вниз по склону. Рэн, заподозрив неладное, стёр улыбку с лица, но всё же ответил:

– Сказал, что это приветствие у людей.

Я, с трудом сдерживая смех, вздохнул. Сто два года коротышке, сто два года...

– Что-то не так? – пуэри недоумевал всё больше.

– Почти всё так, – кивнул я. – Только это не людское приветствие, а скорее гномское. И чтобы уж совсем правильно было, нужно в конце добавлять: «бородатая». Так уважительнее получается. Запомнишь?

– Жопа бородатая, – тщательно выговорил Рэн на Локуэле. – Да, запомнил.

– А ещё чему-нибудь он тебя научил?

– Могу связать пару слов. У вас странные языковые правила, но их всё равно меньше, чем у нас. Нужно больше практики, и тогда, думаю, за пару неделек уже смогу худо-бедно объясняться.

– Про практику – это точно. С этим мы тебе можем помочь. Например, ты можешь завтра с этим приветствием обратиться к Киру с утра – для закрепления.

– Ага. Так вы определились с направлением?

– Да, – решительно ответил я. – Едем на запад, в столицу Либрии, Лотор. Вызволить Лину.

– Ты уверен, что она там?

– Почти. А что?

Пуэри пожал плечами.

– Мы знаем только, что её встретили, даже не знаем, кто именно. Мало ли куда они могли пойти.

Этим замечанием он попал в десятку. Мои догадки строились, по сути, ни на чём – мне просто нужно было хоть куда-то двигаться, чтобы оправдаться в собственных глазах. Но если мы пойдём на запад – не получится ли, что мы пойдём не в ту сторону?

– В любом случае, нужно откуда-то начать. Там будет видно, – вот и всё, что я мог ответить.

Рэн только кивнул, подвесил выпотрошенного зайца на ветке, подхватил лук и ушёл вниз по склону.

Оставшись в одиночестве, я первым делом размотал повязку на запястье и оглядел порез. Выглядел он жутко – рану долгое время нечем было промыть, поэтому она начала подгнивать. Видимо, как только мы оказались на воздухе, парни это обнаружили, и им не оставалось ничего, кроме как срезать самые пострадавшие участки плоти, чтобы зараза не пошла дальше. Это меня спасло, но на руку теперь было страшно смотреть, а три пальца из пяти почти не слушались.

К счастью, пока я валялся без сознания, мои энергетические запасы успели изрядно восстановиться. Как раз хватило на заклинание вита-магии. Оно ослабило тело пуще прежнего, но зато руку удалось спасти – пальцы зашевелились и снова могли держать меч.

Пошатываясь, я добрёл до ближайшего дерева и, опёршись на него, окинул взглядом окрестности. Из шалаша этого увидеть было нельзя, но вид из лагеря открывался великолепный.

Слева на склонах гор шевелюрой топорщился хвойный лес. Долина тянулась оттуда и мягким изгибом уходила направо, да так далеко, что окончание её терялось за увиденной мной ранее горной грядой. Вдалеке, в самом широком месте, луга превращали ландшафт в подобие застывших зелёных волн. Между холмами текла речушка; на самой грани видимости между ними виднелся краешек крупного водоёма. Прямо передо мной же раскинулись заросли – невысокие лиственные деревья, перемежающиеся буйным кустарником. Дикий, прекрасный уголок – и, наконец-то, нет стен и потолка.

Только теперь, выбравшись наружу, я осознал, как это трагично – смириться с тем, что никогда больше не увидишь небо. Ведь подумать только: я мог умереть там, внизу, в этой хищной вековой темноте, сломленный и потерянный. И кто бы вспомнил обо мне? Я мог умереть на самом пороге спасения, когда вдалеке уже брезжил дневной свет, но так бы больше его и не увидел. Разве с такой участью можно смириться?

А я смирился. Там, внизу. Стоило лишь сказать: «Ты скоро умрёшь», и я с готовностью согласился.

Маленький, жалкий человечек.

Заблудился в самом себе, словно в трёх соснах.

Хорошо, что Кир с Рэном не смирились. Пока я жалел себя, они искали выход. Пока я готовился к смерти, они хотели жить. Поэтому когда я, сложив лапки, расслабленно умирал, они тащили меня, идиота, на своём горбу. Отчаянный копатель-одиночка и пуэри, предположительно последний в своём роде, рисковали своими жизнями ради моей.

Боги, ну и стыдоба. Хоть бы сквозь землю провалиться, что ли...

Я вздохнул грудью и тут же поморщился от ещё не отступившей до конца боли. Именно эта боль прервала мои досадливые размышления и вернула к реальности.

Между каменных глыб Тингар плыли, цепляясь за склоны боками, неторопливые облака. Свет солнца пронзал их, падал на тянущуюся ему навстречу зелень, сверкал на воде. На водопой к берегу ручья вышло стадо диких коз. Неподалёку, за подлеском, слышалось мычание оленя. Словно одуревшие от счастья, пели птицы.

Жизнь в Укромной долине была ключом, а у меня внутри словно выстрелил гейзер. Нужно было лишь разок смириться со смертью, чтобы понять, как я на самом деле хочу жить. Ведь жил же до этого – чужак, бездомный, беспамятный, которого из жалости приютили доб-

рые люди. И когда эти люди погибли – не лёг помирать. Так что случилось-то? Доконало известие о том, что маму с папой мне никогда не найти?

Мои размышления прервал вернувшийся гном. Он бросил на землю охапку дров и, поглядев на меня исподлобья, буркнул:

– Вот и мертвец наш восстал.

Меня от этой фразы аж передёрнуло, но я промолчал. Это была самая хлёткая шуточка, которая когда-либо удавалась копателю. В основном потому, что я сам только что думал о том же самом.

– Кир?

– Чего?

– Ты узнал у Оракула, что хотел?

Гном на секунду замер.

– Узнал, узнал, – сказал он, вдруг сменив тон с недовольного на равнодушный.

– И куда ты теперь?

– Куда я – что?

– Пойдёшь. Уговор был только дойти до Оракула и вернуться на поверхность.

Повисла пауза. Копатель взял очередную ветку и начал зачищать её от коры, на сей раз используя единственный оставшийся у него топор.

– Разбегаемся? – не отставал я.

Гном рассмеялся – так нехорошо, что у меня мурашки пошли. Это даже и не смех был, а карканье, которое так же резко оборвалось.

– Ну конечно! – проворчал он в бороду. – А вы ломанётесь на запад и там, в горах, без меня дуба врежете? Сдался мне такой душевный груз! Не. Всем отсюда выбираться надо, вместе и пойдём.

Меня такой ответ устроил вполне. Решив, что гном не в настроении, я уже поковылял к журчащему неподалёку ручью, чтобы ополоснуться, когда услышал сзади:

– Ты сам-то узнал, что хотел?

– Не то, чтобы прям что хотел, – сказал я, помолчав, – но узнал.

– И как, рад?

– Не видишь, что ли? – усмехнулся я через плечо. – Полные штаны радости. Пойду вытряхну, ходить мешает.

Кир тоже усмехнулся, посмотрев мне вслед каким-то до странного пронзительным взглядом, и снял с заготовки первую стружку.

Не мог же я ему сказать, что мне уже наплевать на то, что там случилось. Что после того, как я очнулся в шалаше, желание копаться в собственном прошлом у меня как отрезало. Подумает ещё, что у меня душевная травма. Всё ведь с точностью до наоборот – я излечился от самой большой в своей жизни глупости, и соображаю теперь так ясно, как никогда в жизни.

Просто я уже не тот Энормис, который когда-то постучался к нему в дверь.

* * *

Остаток дня прошёл в сборах. Мои товарищи поначалу сомневались в том, что я смогу куда-то идти, но я выдал им такую ругательную смесь Локуэла с орумфаберским, что они предпочли не спорить. Правильно сделали: вита-магия неплохо меня подлатала, так что я готов был даже пустить в качестве аргумента кулаки – только в отношении гнома, разумеется. Дурак я, что ли, снова драться с пуэри врукোпашную? Для этого же магия есть.

Первым делом мы перетряхнули всё снаряжение, которое у нас имелось. Из оружия насчитали только мои мечи, топор гнома и самодельный лук Рэна. Остальное или досталось химере-переростку, или скорпикорам. Гном сохранил свой фамильный шлем со змеиными глазами, но при этом пустил ко дну вещмешок со всем снаряжением, так что с едой, верёвкой

и кучей полезных мелочей вроде походного котелка мы попрощались. Парни были худо-бедно одеты, а на мне остались лишь побитые жизнью походные штаны да сапоги: перевязь с ножнами пропала, поясная сумка тоже, даже засапожник успел когда-то выскользнуть – я натурально чувствовал себя голым.

И всё. По итогу мы мало чем отличались от дикарей из Обетованного Края, которые, если верить слухам, щеголяли в одних набедренных повязках и жили в домах из пальмовых листьев. Как ни грустно было это признавать, но в горы в таком виде разве что умирать ходят.

Поэтому вечером, едва солнце скрылось за горной цепью, в нашем лагере собрался совет в составе одного ворчливого гнома, одного невозмутимого пришельца из прошлого и некоего третьего лица, в основном выполняющего функцию переводчика. Первые двое быстро составили список всего, что нам понадобится для перехода. По итогу получилось вот что.

Первая хорошая новость состояла в том, что с водой и едой проблем не было – в долине того и другого имелось в изобилии. Вторая – в том, что Рэн со своим солнечным питанием почти не ел, так что съестного требовалось запасти на четверть меньше. Его раны за прошедшие дни полностью затянулись, он выглядел бодрым и здоровым, в отличие от состояния после драки со скорпикорой. Его выносливость, сила и навыки сильно упростили жизнь всему отряду – и это была третья хорошая новость. Пуэри мог изготовить тёплую одежду, сумки и кое-какую утварь, но сказал, что на это уйдёт около двух недель. Тут начинались плохие новости.

Стоял последний месяц лета. Никто не знал точно, какой день, но в середине осени все перевалы в Тингар закрывались снегом. У нас оставалось меньше двух месяцев – и это притом, что мы не знали пути через горы. Не знали, сколько понадобится брать припасов. Даже будь у нас в достатке времени, затея всё равно осталась бы смертельно опасной. Все это понимали, но ничего поделать не могли. Либо так, либо мы остаёмся жить в долине, а этот вариант, естественно, я отмёл с порога. Осталось одно – пытаться успеть.

Едва придя к этому выводу, мы свернули совет. Нет смысла тратить время на разговоры, когда всё уже решено. Нам предстояло много работы, и для начала следовало выспаться.

* * *

На следующий же день мы бросили временный лагерь и спустились в низовья долины в поисках более выгодного места. Мы словно оказались в диком, первозданном мире: здесь не было и намёка на разумных обитателей, зато природа развернулась на всю катушку.

Уже на первой полулиге мы одолели покрытый приятной травкой склон, переплыли небольшую речку, прорубились через заросли ивняка и прошли насквозь настоящий лиственный лес, буквально кишачий живностью и мошкаррой. Выйдя по звериной тропе на другую сторону, мы попали на луг с высокой сочной травой, на которой паслись те же козы, которых я заприметил накануне. Рэн тут же, словно только этого и ждал, натянул лук и, почти не целясь, пустил стрелу. Животные бросились врассыпную – все, кроме одного. Пуэри попал козе точно в глаз с пятидесяти шагов.

Настроение у всех было не очень. Гном дулся из-за утреннего приветствия Рэна. Когда на рассвете рассвирепевший копатель разбудил меня пинком, я понял, что шутка удалась. Тут же объяснил её суть самой пострадавшей стороне, то есть пуэри. Тот лишь добродушно улыбнулся, но по подчёркнутому молчанию я понял, что он не в восторге. С того времени охотник держался крайне осторожно, в разговоре старался обходить острые углы, словно это он был в чём-то виноват, а не мы. Честно говоря, от этого его поведения мне даже стало стыдно, хотя извиняться я и не подумал. Гном же даже после обеда вёл себя резко, был хмур и раздражителен. Стало очевидно, что дело не только в утренней шутке, но если и была другая причина для плохого настроения, то Кир о ней молчал. Я в свою очередь не стал расспрашивать, рассудив, что копатель при надобности сам скажет, в чём дело. Так, общаясь сухо и исключительно по делу, мы проходили до вечера.

Незадолго до того, как солнце закатилось за ближайшую гору, мы нашли новое место для стоянки – под отломившимся каменным языком, который одним концом всё ещё был привален к скале. К этому естественному навесу примыкала удобная для работы полянка. Поблизости тёк ледяной горный ручей и росла дикая малина.

Так как я всё ещё был слаб, большая часть тяжёлой работы пала на плечи моих спутников. Кир взялся за изготовление кольев и стрел для охоты. Рэн снял шкуры с добычи и взялся за их выделку. Я насобирал дров для костра и развёл огонь, а затем занимался готовкой. Лишь когда стемнело, и на долину спустился холодный туман, мы все сели у костра.

Но разговор не клеился.

Гном всё не бросал попыток вырезать из дерева приличную ложку. Рэн вил новую тетиву, на которую пошли вытянутые из добычи жилы. Я, инстинктивно потирая уже здоровую руку, смотрел на огонь. Это продолжалось около получаса, прежде чем их меня вылетело задумчивое:

– Состариться бы.

– Чего? – не понял Кир.

– Дожить до старости. Я бы здесь поселился, когда стану старым пердуном.

Гном неторопливо снял длинную стружку. Пуэри чистил очередное волокно.

– Рэн, что скажешь? – я перешёл на орумфаберский. – Что будешь делать в старости?

– Вряд ли я успею состариться, – без раздумий отозвался тот.

Я вздохнул.

– Вот и я вряд ли. Кир, а ты? Есть планы на старость?

Гном помолчал.

– Я копатель, – сказал он тихо. – Только два копателя за всю историю дожили до преклонных лет. Первый – потому что потерял обе ноги. Второй – потому что ослеп. Дальше сам думай.

– У меня для вас плохие новости, парни. Похоже, мы все пессимисты.

– Пока ещё живые пессимисты, – поправил меня Кир.

Я пожал плечами и перевёл сказанное Рэну.

– Я не пессимист, – сказал пуэри невозмутимо. – Я просто хорошо считаю.

– Одно и то же, – отмахнулся я. – У чистильщиков есть шутка. Чем отличается оптимист от пессимиста? Когда химера жрёт пессимиста, он думает: “Ну вот, я так и знал, что этим кончится”. А когда химера жрёт оптимиста, тот думает: “Ну вот, хоть от проказы не помру!”.

Охотник вежливо улыбнулся. Либо он не понял юмора, либо этот самый юмор ему не понравился. Честно говоря, я и сам не понимал, где здесь смеяться. Всё равно и оптимист, и пессимист умирают.

Я завёл этот разговор как раз потому, что понял: если я буду продолжать жить так, как раньше, старости мне не видать. А я хотел когда-нибудь стать стариком. Этаким весёлым дедом, который десятки лет живёт по одному распорядку. Мне вдруг захотелось из месяца в месяц, из года в год наблюдать, как солнце встаёт на одном и том же месте, и как тень от моего домика по одной и той же тропинке кочует с запада на восток.

Но такими темпами старости мне не видать, как своих ушей. Я тоже хорошо считаю. Это не пессимизм, это арифметика...

Я встряхнулся, прогоняя застоявшиеся мысли. Огляделся. Взгляд мой остановился на пуэри.

– Рэн! А давай-ка поучим тебя Локуэлу?

* * *

Потянулись рабочие будни. Мы много ходили, в основном на север: там у долины было самое широкое место. Собирали всё, что могло пригодиться. Нашли пещеру с солёным озером.

Кир даже наткнулся железорудную жилу – но, к сожалению, нам некогда было заниматься металлургией.

Долина буквально изобиловала самыми разными ресурсами. Шкур мы насобирали за первые же два дня, и Рэн потом только и делал, что занимался их выделкой. Чистая вода, спелые ягоды и фрукты, куча свежего мяса – после подземелий для нас это был просто рай на земле. Мутантов здесь не водилось, химер – тоже. Хищники нас благоразумно избегали. К концу недели, когда мы добрались до северного края долины, стало ясно, что люди в ней не только не живут, но никогда и не жили.

На третий день у нас уже были просмолённые мехи для воды и новая верёвка. На четвёртый появились тёплые унты и пара походных сумок. На шестой Рэн закончил меховые плащи – грубые, но надёжные. Днём в долине стояла жара, ночью же воздух охлаждался как в леднике, так что если раньше мы ложились поближе к костру и укрывались всем, чем только можно, то теперь просто заворачивались в плащи и восхваляли рукастого пуэри.

А на седьмой день нам неожиданно повезло.

Дело было после полудня. Мы против обычая пошли на юг, вдоль западных отрогов, чтобы поохотиться и поискать каких-нибудь целебных трав. Накануне лил дождь, а теперь установилась жара – духотища страшная. Пуэри щеголял в одних закатанных штанах, даже обувь снял – чтобы усвоить как можно больше солнечной энергии. Борода Кира промокла от пота, а сам он беспрестанно пыхтел и посылал проклятья на головы всех богов, причастных к созданию “грёбаного солнца”. На самом деле на Глубинах было гораздо жарче, но только здесь гном позволил себе вдосталь поворчать и поныть. Мы были не против.

Я, значительно окрепший и уже возобновивший утренние тренировки, замыкал шествие с мечом на плече. Мы пробирались через густой кустарник, который рос вокруг холма. Гном вдруг остановился, огляделся и пошёл в сторону, бросив ёмкое: “отолью”. Я догнал Рэна, но уже через полминуты мы слышали звонкое матерное словечко и оглушительный треск: кто-то на полном ходу ломился сквозь подсохшие ветви.

– Кир? – позвал я, вглядываясь в заросли, из которых доносился шум.

Обзор отсутствовал полностью.

– Пошёл на хер! – завопили заросли.

Мы с Рэном удивлённо переглянулись. Шум тем временем сместился ещё дальше в сторону и начал удаляться. Мы бросились следом.

Кир продолжал материться на ходу, так что направление прослеживалось чётко. Кустарник поредел и влился в берёзовую рощицу, а потом вдруг кончился. Мы с пуэри в растерянности остановились.

По роще, петляя вокруг деревьев, в одном сапоге носился гном, а за ним гнался здоровенный взбесившийся вепрь. Весу в этой туше было не меньше дюжины пудов. Там, где он выбежал из кустов, осталась настоящая просека – в одиночку Кир такую проложить бы не смог. Клыки у зверя вымахали с добрый кинжал.

– Да чтоб ты сдох, сала кусок!.. – орал гном.

Я, не зная, что делать, бросился ему наперерез. Рэн изготовил лук. Кабан не успевал развить большую скорость, потому что Кир ловко менял направление бега, но и не отставал. Его сильно заносило на поворотах. Чем гном его так разозлил, я даже представить не мог.

Какое-то время мы втроём – я, Кир и вепрь – оголтело носились по рощице. Я всё никак не мог сообразить, как остановить вепря и не зацепить гнома. Рэну тоже не удавалось толком прицелиться, хотя одну стрелу в бок зверюге он всё же засадил – кабан даже не заметил. Кир, рискуя сбить дыхание, не ослаблял поток ругательств. “Сала кусок” топал и грозно визжал.

В конце концов зверь начал уставать. Он поскользнулся на траве, упал (пуэри тут же всадил в него вторую стрелу, с прежним успехом), пронзительно всхрюкнул и снова кинулся

за гномом. Тот, не иначе как по чистой случайности, наконец смог выбежать мне навстречу и пронёсся мимо. Теперь кабанище нёсся прямо на меня. Я тотчас проникся настроением Кира.

Мне в голову не пришло ничего лучше, чем создать перед кабаном плотную энергетическую стену – думал, зверь испугается или хотя бы затормозит. Ничего подобного не случилось. Вепрь как бежал, так и влетел в преграду на полном ходу. Раздался треск, туша кувыркнулась через голову и смачно грохнулась о землю. Этого хватило, чтобы пуэри прицелился и пустил стрелу в уязвимое место – горло. Кабан, и без того ошеломлённый падением, захрипел и беспорядочно задрогал ногами.

С полминуты мы напряжённо наблюдали за его конвульсиями. Кир стоял, опёршись руками на колени, и пытался восстановить дыхание. Меня почему-то разбирал смех.

– Очень, мать твою, смешно, – осуждающе бросил гном и отправился искать потерянный во время бега сапог.

Кабан затих. Я на всякий случай потыкал в него остриём меча. Зверь был мёртв.

– Огромный-то какой, – сказал я. – И шкура толстая. Кир, ты не мог раньше на него наткнуться?

– Пошёл ты! – отозвался гном из зарослей.

Рэн попросил у меня меч и вырезал из туши стрелы. Кир вернулся и уселся на ближайший пенёк, вытянув ноги.

Ни я, ни копатель, наверное, так и не заметили бы подвоха, если бы не пуэри. Тот подскочил к нам и начал напряжённо тыкать в Кира пальцем, явно пытаясь подобрать слова на Локуэле.

– Ты чего, парень? – с недоумением спросил копатель. – Перегрелся?

– Сидишь! – выкрикнул Рэн.

– Ну сию, – не понял гном, – и что?

Зато я догадался, что охотник имел в виду.

– Так, борода, ну-ка встань, – скомандовал я, подходя ближе.

Кир вскочил. Мы все воззрились на освободившийся пенёк.

Он был старым и трухлявым, но только с одной стороны. С другой, сохранившейся получше, пенёк порос мхом, а сбоку лез молодняк. В месте, где сидел Кир, на потемневшем от воды и времени дереве отчётливо прослеживался ровный рез – как от пилы с крупными зубьями.

– Видимо, не такая уж долина необитаемая, – заключил я. – Это дерево спилили. Хоть и очень давно.

– Дерево было высокое, толстое и прямое, – старательно выговорил Рэн. – Такими делают строительство. Надо делать поиск жилья.

– У меня идея получше, – сказал я. – Запусти своё поисковое заклятие на предмет чар. Или металла. Сможешь?

– Так мы скорее всего выйдем к одной из рудных жил, – возразил гном.

– Вот и посмотрим. Не думаю, что за материалом стали бы ходить далеко от стройки. Рэн, давай.

Охотник кивнул. Вокруг нас тут же появились призрачные золотистые пчёлы, которые быстро разлетелись во всех направлениях. Пару минут ничего не происходило, но потом Рэн, следящий глазами за чем-то далёким, указал направление:

– Там. Чары нашёл.

Мы покинули рощу, обошли овраг, прорубились через крапивные заросли и оказались вплотную к отвесной скале. Она напоминала лежащую на боку стиральную доску и явно имела столь же искусственное происхождение. Но я смотрел на неё и не мог понять: зачем кому-то создавать нечто подобное?

– Маскировка, – сказал Кир и пошёл вдоль стены, касаясь её рукой. – Где-то должен быть проход... Ага, да вот же!

Гном движением опытного иллюзиониста исчез в скале. Мы с Рэном переглянулись и пошли следом.

В одной из складок обнаружился проход, настолько хитро спрятанный, что увидеть его можно было, только подойдя вплотную. Он вёл в каменный зигзаг, за которым начиналась прямая, как стрела, тропа, зажатая между отвесных скал. Последние явно никогда не знали резца и зубила, но при этом были настолько ровными, словно над ними корпел десяток камнетёсов. Ближе к середине тропы мы увидели росчерк рудной жилы – одинаковый на обоих стенах.

– Ни хрена себе, – сказал гном, разглядывая это чудо. – Впервые такое вижу.

– Да, – согласился я, вполне разделяя удивление товарища. – Этот проход не прорубили. Кто-то попросту рассёк скалу надвое и раздвинул её.

Тропинка шла в гору, но достаточно полого. Через пару минут ходьбы скала кончилась, а мы остановились, пораскрывав рты.

Перед нами раскинулась ещё одна долина, только миниатюрная – размером с маленький городок. Вокруг высились непроходимые склоны, поросшие маленькими деревцами. Похоже, мы нашли единственный вход в этот уголок.

Я говорил, что Укромная долина красива? Пусть так. Но по сравнению с этим местом она была невзрачной унылой глухоманью.

Мы шли и не верили своим глазам. На южной стороне блестел на солнце пруд, одним краем залезший в неглубокий грот. Кристально чистая вода к нему спускалась с гор небольшим каскадным водопадом. Весь юго-западный угол занимал сад. Чего в нём только не было! Раскидистые груши и яблони обвивал плющ. Толстые ползучие лозы сплетались в подобие купола, а по ним карабкался виноград. На ветвях висели крупные кисти ещё не спелых ягод. Вдоль заросших травой тропинок росли аккуратные и будто даже стеснительные кустарники: малина, смородина, крыжовник, ирга. И цветы – десятки видов и оттенков, большие и маленькие – цвели в каждом свободном уголке.

В северной же части потайной области, устало покосившись, стоял ветхий домик. Вокруг него выросли деревья, которых я никогда прежде не видел: гладкие стволы наклонялись к крыше, а тонкие ветви словно обнимали лачугу со всех сторон, защищая от ветра и дождя. Листья, похожие на симметричные многолучевые звёзды, зелёным куполом закрывали окошки от солнца. Неподальку обнаружилась ещё одна постройка, но в ещё более плачевном состоянии: крыша у неё обвалилась, а дверь прогнила и отпала. Видимо, её некогда использовали как сарай.

Сначала я подумал, что это место создал какой-то гениальный садовник-отшельник. Но уже через минуту я отказался от этой мысли. Хотя сама потайная область явно была искусственной, всё здесь выглядело настолько натурально и гармонично, что даже само понятие красоты природы обретало совершенно новый смысл. Здесь природу не подчиняли, а лишь направляли, осторожно, деликатно – так, что рука разумного существа угадывалась только благодаря наличию построек. Умом я понимал, что само собой такое великолепие возникнуть не могло, но каждая деталь здесь была такой естественной и такой правильной, что оставалось только любоваться. Нет, человеку такое не под силу...

– Странная магия, – сказал Рэн задумчиво. – Но как будто знакомая.

Я прислушался к своим ощущениям и согласился. Фон был едва ощутим, но мне всё же удалось нащупать тонкие энергетические спирали. Они переплетались и вливались одна в другую в очень знакомой манере.

Это был *возврат*. Крайне редкий положительный *возврат*. Чтобы получить отрицательный *возврат*, нужно, например, убить кого-нибудь. Если убить с особой жестокостью, *возврат*

будет сильнее. Здесь же в мир выбрасывалось столько радости и счастья, что энергетические потоки выстроились особым образом и вызвали позитивные изменения в окружающей среде.

Я, бывший чистильщик, впервые видел нечто подобное. И это выглядело дико. Я привык к тому, что *возвраты* плодят кровожадных мутантов и химер, вызывают болезни и катаклизмы. Дисс рассказывал мне, что теоретически положительные *возвраты* возможны, но я всегда думал, что это та часть теории, которая никогда не находит пути в реальность. Я привык к тому, что последствия *возвратов* нужно устранять.

В памяти сами собой всплыли проповеди церковников. Святые отцы утверждали, что чудовища и «казни» – это извержения ада, порождения Бездны, которые тянутся к совершаемому в мире злу. Рай со слов верующих выглядел как очищенное от боли и страданий место, в которое, естественно, могли попасть лишь праведники. Сам Нирион получался промежуточным звеном между адом и раем, чистилищем, в котором души боролись за освобождение от зла. Метафорично, конечно, но суть-то они почти не исказили, не так ли?

А тут выяснилось, что уголокрая можно создать и на земле.

– Пошли зайдём, что ли, – подал голос гном, которого явно заботило совсем другое. – Может, разживёмся чем.

На лице пуэри отразилось отвращение, но он ничего не сказал.

Мы направились к домику. Под ногами жалобно скрипнул дощатый настил, высланный перед входной дверью. Её ручка была вырезана в виде черепа, но необычного: рот широко открыт, в обеих челюстях по два массивных, чуть загнутых клыка, а прямо посередине лба зияла ромбовидная дыра. Дерево до блеска отшлифовано тысячами прикосновений. Аккуратно толкнув ветхую створку, я шагнул внутрь; за спиной слышалось сосредоточенное сопение гнома.

У домика было всего два маленьких окошка, но в рассохшихся досках имелось предостаточно щелей, так что света внутри хватало. Лучи выделялись отчётливыми полосками из-за пыли и падали на простецкое убранство: грубо сколоченный стол, два стула (третий со сломанной ножкой лежал в углу), полка с посудой, обвалившаяся полка с книгами, маленькое зеркало на стене, тумба... и двухместная кровать с двумя скелетами в полуистлевших одеждах.

– Отец честной! – протянул Кир, выглядывая из-за моего плеча. – Сдаётся мне, они вздремнули на славу.

На плоскую шутку никто не отреагировал. Мы с Рэном заинтересованно разглядывали хозяев дома.

Они лежали в обнимку. Первый скелет точно мужской – невысокого роста, с узкими плечами и широкой челюстью. На нём был чёрный балахон с перламутровыми пуговицами. Слева от него, прислонённый к кровати, стоял массивный посох. Стальное навершие в точности повторяло череп на дверной ручке.

Рядом, положив голову на плечо первого мертвеца, лежал скелетик поменьше и потоньше. Вытянутый череп с небольшими изящными клыками обрамляла волна хорошо сохранившихся чёрных волос. Поверх костей – потемневшее от времени зелёное платье, которое когда-то, несомненно, красотой не уступало виду за окном.

– Кто это? – спросил пуэри, указывая на второй труп.

– Эльфийка, наверное, – пожал плечами гном. – Одного не пойму. Ну ладно человек – умер от старости. Но эльфы-то, вроде как, вечно молодые. От старости умереть не могут. А других причин её смерти я что-то не вижу. Одежда цела, кинжала между косточек нигде не видно...

– Да не всё ли равно, Кир? – вмешался я. – Оставь их в покое. Лучше поищи что-нибудь полезное для похода в горы.

– Уж и полюбопытствовать нельзя, – Кир цокнул языком и направился к полке с посудой.

А я подумал: ну и парочка. Некромант и эльфийка. Первых ненавидят и боятся за их ремесло, а потому почти везде они объявлены вне закона. Их очень мало – может, несколько десятков на весь мир. Вторые почти никогда не покидают Ниолон и никого к себе не пускают, поэтому сведения о них можно почерпнуть в основном из книг. Очень старых книг. А тут – оба сразу, да ещё и вместе! Как после этого не верить, что противоположности притягиваются?

Зато их союз объясняет то, что мы увидели в потайном уголке Укромной долины. Эльфы слывут большими почитателями природы – вдруг именно ниолонская дева создала тот чудесный сад? А некромант, должно быть, выровнял площадку, раздвинул скалу, подвёл воду... Если так, то он был чертовски силен. Колоссально.

Я покопался в шкафу, но там обнаружили лишь два женских платья, сменный балахон некроманта, пара сапог и несколько тряпок неопределённого происхождения. Сбросав всё это на пол, я с нетерпением направился к разбросанным книгам – надеялся выяснить ещё что-нибудь о странной парочке.

Рэн, морщась, полез в тумбу. Пуэри с самого начала не горел желанием идти в дом – и я догадался, почему. Ему, воспитанному в совершенно другом мире совершенно другими существами, претило мародёрство. Мне, честно говоря, тоже, но в условиях выживания я легко переступил через отвращение. Охотнику, видимо, это давалось сложнее.

Меньше всех от нравственных дилемм страдал копатель. Он гремел посудой, изредка прерывая возню, чтобы радостно оповестить нас об очередной полезной находке или чихнуть от пыли. Ему рыться в вещах мертвецов было явно не впервой.

В книжной куче лежали: поваренная книга, свиток с планом дома, руководство по строительству (перевод с Футарка), сборник законов и мудростей раммалан (я понятия не имел кто это такие), сказки народов севера... детский словарь. Последнюю книжицу я тут же бросил Рэну – тот долго вчитывался в название, но в итоге кивнул и убрал томик за пояс. Несколько фолиантов были такими старыми, что без надлежащих условий хранения совсем выпцвели и стали нечитабельными. У других развалились переплёты, а страницы ломались и сыпались сквозь пальцы, как пепел. Ни трактата по некромантии, ни личных записей. Одно разочарование.

Слегка приуныв, я обернулся к лежащим на кровати скелетам. Могли бы хоть одну подсказку оставить!

– Я нашёл... – Рэн запнулся, подбирая слово на Локуэле, – нашёл... вот что.

У него на ладони покоился развязанный кошель. В кошеле поблёскивали четыре драгоценных камня. Три синих и один красный. Каждый – словно искра, пойманная в кристалл.

Кир, увидев их, вытаращился, как замёрзший филин.

– Твою... – гном поперхнулся воздухом, закашлялся, и вместо того, чтобы продолжить, кинулся к пуэри.

На пути ему некстати встретился стул. Копатель шумно споткнулся, отломив при этом расшатанную ножку, выпрямился на ходу и схватил один из камней, чтобы посмотреть на свет. Я взял другой и проделал то же самое. Потом послал в камень лёгкий энергетический импульс – и драгоценность мигнула слабой вспышкой.

– Чтoб. Я. Сдох. – выдохнул Кир. – Вирутлиты!

– Они самые, – подтвердил я.

Все хотя бы раз в жизни слышали о виртулитах – драгоценных камнях высшего класса, – но из миллиона человек воочию их видели десятки, а владели и вовсе единицы. За этими камнями посылали целые экспедиции, их искали десятками лет, их крали, за них убивали и умиряли, выменивали на них души и считали это выгодной сделкой. Один виртулит мог стоить тысячи золотых монет. Несмотря на то, что камни высшего класса притягивали к себе неприятности с исключительной силой, почти каждый желал ими владеть. Дисс много, очень много мне о них рассказывал.

Всё дело в том, что виртулиты, обладая исключительной красотой и отливом, годятся не только для колец и оправ. Например, прочностью они лишь чуть-чуть уступают алмазам, так что запросто режут стекло. Основная же причина дороговизны и востребованности виртулитов заключается в том, что среди драгоценных камней, да и вообще всевозможных материалов, только они могут трансформировать магию. Именно поэтому никто так и не придумал заклинание, которое отыскало бы хоть один виртулит. Их можно добыть только случайно, да ещё и в строго определённых видах руд.

Каждый вид виртулитов действует по-своему. Синие – сапфировые – фокусируют энергию таким образом, что на выходе она замораживает всё, что попадётся на пути. Они, по сути, годятся в основном для боевой и бытовой магии. Красные (рубиновые) очищают энергию и концентрируют её – любые заклинания, пропущенные через эти камни, становятся точнее и мощнее. Жёлтые (топазовые) глотают нестабильную энергию, стабилизируют и рассеивают. Грубо говоря, колдовать рядом с таким камнем невозможно, потому что любое заклинание, кроме сверхмощных, топазовый виртулит сводит на нет.

Со слов Дисса пять из десяти виртулитов – жёлтые, то есть именно они попадают чаще остальных. Синих три из десяти. Красных полтора-два. Полтора-два – потому что существование четвёртого и пятого видов под вопросом. Во всяком случае, сам Досс с ними не сталкивался. Говорят, будто есть берилловые виртулиты, которые могут запасать поистине колоссальные объёмы энергии. И ещё якобы бывают жемчужные виртулиты, способные преобразовывать энергию в материю и обратно. Как по мне, если берилловые вполне могут существовать, то жемчужные – уже чистая сказка. Потому что как остановить того, кто властвует над материей и энергией?

Впрочем, это не так уж важно. Намного интереснее, что мы вломились в дом человека, который владел аж четырьмя виртулитами. Если бы этот человек ещё дышал, я бы предпочёл обратиться подобру-поздорову. А так...

– Может, лучше их не брать? – засомневался я. – От таких вещей одни неприятности.

Я сам не верил в то, что говорю.

– Так уж и быть, я возьму их все, – сказал Кир и потянулся за остальными камнями.

Я машинально ударил его по руке. Гном посмотрел на меня исподлобья. Рэн наблюдал за происходящим с выражением лёгкого недоумения на лице.

– Нет уж, – сказал я. – Давай каждый возьмёт себе по одному.

– Тогда чур четвёртый – мне, – нашёлся гном.

– Тебе-то зачем? Ты ведь даже не чародей!

– Зато я, в отличие от тебя, не пытаюсь откинуть копыта раз в неделю. У меня сохраннее будут.

Гномы – славный народ. Если бы не жадность, цены бы им не было. Даже история с Глубинами их ничему не научила, куда уж мне-то соваться?

– Рэн их нашёл, – сказал я примирительно. – Пусть у него останется два.

Этот вариант поставил Кира в тупик. Копатель сжал губы, засопел, на лице у него отчётливо проступила напряжённая работа мысли.

– Тогда мне – красный, – выдавил он сквозь зубы, словно его заставили отдать последние портянки.

Я со вздохом махнул рукой. Кир взял причитающееся ему и, пряча камень в потайной кармашек на внутренней стороне рубахи, досадливо пробормотал:

– Надо было самому в тумбочку лезть... – и, поворачиваясь к двери, добавил уже громче: – Пойду сарай проверю. Может там ещё не всё в труху рассыпалось.

Жалобно скрипнула дверь, щёлкнул от удара высохший косяк. Рэн, посмотрев копателю вслед, невозмутимо вернулся к тумбе. Я ещё раз окинул взглядом домишко.

На глаза мне попался посох, прислонённый к кровати. Его навершие потускнело, но всё ещё могло похвастаться изяществом деталей. Мастер изрядно потрудился над изделием.

Я глянул на посох сквозь Эфир. Как и ожидалось, передо мной была не просто палка, а артефакт, напоённый беспокойной энергией. Некроманты частенько так делали – наделяли свои посохи магическими свойствами, чтобы те служили не только для замера глубины луж. Разумеется, слуги смерти делали это так, чтобы пользоваться зачарованием мог только сам хозяин. То есть я понимал, что к посоху может быть прикреплена какая-нибудь неявная магическая ловушка.

Осторожно прощупал артефакт – ни намёка на ловушку. Ни намёка даже на хоть какую-то активность. Может, некромант обезвредил посох, чтобы случайно не навредить эльфийке?

«А что, пригодится, – подумал я. – Палка, вроде, крепкая».

И схватился за артефакт, чтобы рассмотреть поближе.

Клянусь, столь глупых ошибок я больше в жизни не совершал.

Череп на навершии вдруг ожил и издал длинный пронзительный вопль. Энергия посоха вырвалась наружу, хлестнула во все стороны – пол заходил ходуном, жалобно задребезжали стёкла. Скелет некроманта резко сел на постели, его пальцы впились фалангами в моё и без того онемевшее предплечье, а в голове у меня прохрустел сухой, безразличный голос:

– Это ты зря.

Пространство затрещало, скомкалось и унеслось прочь; растущая чужая мощь выдернула меня из солнечного мира и швырнула в тёмный, пронизанный тленом слой Эфира, заключив в сложную энергетическую клетку. Краски побледнели, смазались – вместо стен уютного домика вокруг раскинулись серо-чёрные барханы, которые не должны были и не могли существовать в энергетическом пространстве. Так глубоко в Эфир я не заглядывал даже в самых смелых своих исследованиях – потому что боялся взгляда Бездны.

Меня скрутили, обездвжили и заставили смотреть, как из праха, что заменял здесь землю, восстаёт призрак. Он неторопливо обтекал свой костяной остов, словно не мог существовать отдельно; тяжёлая ухмылка не сходила с полупрозрачного лица. Некромант выпрямился, демонстративно хрустнув косточками, и спросил:

– Что, человеке, жадность обуяла?

Я с перепугу кивнул. Призрак говорил на Локуэле с южным акцентом, на новом для меня диалекте. Его черты расплывались, но в них всё же угадывался южанин средних лет, с большим носом, лысиной и глубоко посаженными глазами. Хуже всего был взгляд – подчёркнуто спокойный, похожий на ширму, скрывающую безумие.

– Зачем ты пришёл в мой дом? – бросил некромант. – Чтобы обокрасть? Забрать всё, что не пригодится мертвецам?

В его тоне таилась издёвка, которая не сулила мне ничего хорошего. От этого человека – пусть и мёртвого – исходила такая мощь, что заглушить её не мог даже постоянно фоновый Эфир. Некромант мог сделать со мной всё, что угодно, даже распылить на песчинки, и при этом бы даже не вспотел. При жизни он точно вышел за пределы Лестницы. И уж наверняка мог бы жить вечно. Но отчего-то не стал...

– Мне просто стало... любопытно, – выдавил я.

– Неужели? Некоторые люди как сороки, только хуже, – с презрением отозвался призрак. – Птицы всегда чувствуют, какие безделушки лучше не трогать.

– Меня заинтересовал не посох, а его хозяин.

Некромант скривился и сверкнул глазами.

– Придумай что-нибудь поубедительнее, пока я тебя на тряпки не порвал.

– Мы просто пытаемся выбраться из долины, – сказал я, поняв, что призрак мне всё равно не поверит. – Перевалы...

– А как же вы сюда попали? – перебил некромант. – Через какую щёлку вы просочились, тараканы?

– Из пещер. По высохшему руслу.

– Это на юге что ли?

– Да.

– Так вас, значит, пропустили скорпикоры?

– Скажем, мы проскользнули.

– Ой, врёшь, – с недоверием протянул мертвец. – Не могли вы там «проскользнуть», да ещё и такой компанией. Гном и... Кстати, кто третий? Впрочем, не говори, мне до звезды. А Многощупа-то вы как миновали?

– Если ты о той здоровенной химере на дне моря, то с трудом.

Некромант замолчал, задумавшись. Ветер забвения раздувал серые песчинки под нашими ногами. Я вдруг понял, что нахожусь внутри искусственного мира, запрятанного в глубине Эфира. Точнее не в мире даже, а где-то на его пороге, в монохромном преддверии, в то время как сам мир был скрыт где-то поблизости. Его творец и хозяин пронизывал меня своим псевдоспокойным взглядом, а я по-прежнему не мог пошевелиться. Он мог бы давно прихлопнуть меня, но отчего-то этого не делал.

Я подумал, что это подходящее время, чтобы немного ослабить повисшее в воздухе напряжение.

– Мы уйдём и больше тебя не потревожим, – сказал я как можно твёрже. – Только помоги нам...

– Тебе никто не в состоянии помочь, – сказал некромант сухо. – Даже если я помогу, тебе всё равно скоро конец.

У меня пересохло в горле.

– Почему?

– Потому что ты какой-то неправильный. Жизнь тебе как будто навязана, линии судьбы вообще нет. У тебя просто нет начала, нет родины. Ты везде и всюду лишний.

Призрак замолчал, глядя сквозь меня. Он словно видел нечто такое, чего не видели другие, читал знаки, на которые никто не обращал внимания. Он за минуту узнал обо мне больше, чем я сам узнал за целую жизнь.

Это злило. Это интриговало.

– Расскажи ещё, – прохрипел я.

Некромант скривился, и в глазах его вдруг мелькнула жалость, смешанная с отвращением.

– Слышал про всемирный событийный поток? Именно в него вплетены все линии судьбы. Его можно увидеть, если много учиться... И по линиям судьбы предсказывать будущее каждого живого существа, каждого камешка у тебя под подошвой. Не точно, конечно, но всё же можно. А у тебя этой линии нет. Ты существуешь вне всемирного потока, отдельно от всех остальных. Это как... А, долго объяснять.

– Я готов слушать.

– Не слишком ли ты обнаглел, человеке? – рявкнул некромант, гадливо поджав верхнюю губу. – Заявился в мою усыпальницу, присваиваешь мои вещи, и ещё чего-то требуешь? Я тебе ничего не должен!

– Пожалуйста, – сказал я тихо. – Расскажи.

Я готов был простить этому мертвецу хамство, высокомерие, брезгливость в каждом движении, презрение в каждом слове – всё. Единственное, чего я не смог бы ему простить – молчания. Потому что он уже рассказал больше, чем я смог выжать из хвалёного Оракула.

Мёртвый чародей вздохнул – чтобы ещё раз показать, какое великодушие проявляет к такому ничтожеству, как я.

– Раз ты вне общего потока, вокруг тебя начинает формироваться отдельный поток, неправильный относительно всего остального. Поэтому к тебе липнет всякая событийная шелуха. Не замечал, что с тобой случаются маловероятные вещи? Эта мелочёвка копится, наматывается, как грязь на сапогах. Точнее даже так: она превращает тебя в снежный ком. Чем дальше ты катишься, тем больше становится твой бракованный событийный поток, тем более значительные события ты притягиваешь.

Некромант помолчал, сжав губы.

– Рано или поздно они тебя раздавят, – сказал он. – И с этим ничего не поделаешь.

От последней фразы у меня чуть пар из ушей не пошёл.

– И что же мне теперь, – выдавил я сквозь зубы, – лечь и умереть? Как сделал ты?

Спокойствие вмиг слетело с некроманта, обнажив то, что скрывалось внутри него с самого начала. А скрывался там свирепый безумец с лицом, которое больше походило уродливую маску дикаря-людоеда.

– Ты возомнил, что знаешь что-то обо мне?! – проревел призрак и тут же перешёл на шипение. – Ты возомнил, что знаешь что-то о смерти? Да ты, клоп жалкий, её даже не нюхал. Любопытно тебе стало, говоришь? Я прожил пятьсот лет, – уронил он так веско, словно уже этим всё должно быть сказано. – Этого более чем достаточно. Думаешь, это для тебя, презренной мухи, моли-однодневки, существует вселенная? Сколько самонадеянности! В этом мире и всех прочих всё построено вовсе не на жизни, а на её отсутствии. Присмотрись: только безжизненное гармонично, уравновешенно и совершенно! С точки зрения вселенной жизнь – это болезнь, простуда, которая всё никак не пройдёт до конца. Когда же вы, тупые мальчишки и девчонки, наконец поймёте, что жизнь – это всего лишь миг, а смерть – вечна? Что куда вы не идите, сколько смысла не ищите в вашем жалком существовании, его не прибавится. Что сам поиск смысла бессмысленен. Только тупое желание жить не даёт вам всё это осознать, а то давно уже давно все повымирили бы! Именно из-за милосердной глупости всё никак не переведутся искатели истин, борцы за свободу и алкатели абсолютной власти. Тупицы! Перед смертью все – равны, и всё – равно. Это самая первоочередная истина. Самая важная власть – это власть над собственной жизнью. А единственная свобода, за которую стоит бороться – это свобода выбрать свою смерть. Смешно, – некромант улыбнулся отвратительнейшей из улыбок, – но многие считают, что уж они-то хозяева своей судьбы, что это они имеют жизнь! А на самом деле жизнь имеет их и выбрасывает на помойку, когда заблагорассудится. Сколько погибают от яда, болезни или стали? Это разве похоже на смерть хозяина своей судьбы? И в конце их ждёт самое главное. – призрак сделал паузу. – Разочарование. Горькое, удушливое – такое, что лучше бы и не жил вовсе. И души их шатаются потом здесь, в Эфире, пока не истончатся и не превратятся в пустые шкурки себя самих. А ещё позже вся эта отупевшая масса возвращается в материальный мир – и вот они, *возвраты*. Грамотный, надеюсь? Знаешь, что это не злые боженьки химер плодят? Знаешь, значит. Ну вот теперь будешь знать, что это за энергия такая, которая вступает в реакцию с эманациями душ человеческих и создаёт *возвраты*. Они реагируют между собой, потому что по происхождению однородные... А энергии в каждой душе ой как немало.

Я внимал, не перебивая. Мне было неинтересно всё, что рассказывал некромант, потому что я хотел услышать совсем о другом. Но свою долю разочарования я уже получил. И поэтому слушал. А знание, которое выливал на меня мёртвый слуга смерти, оседало где-то глубоко внутри моего существа – как тяжёлый, мутный студень на дне сосуда. Я не имел никакого желания во всём этом разбираться, но чувствовал, что рано или поздно слова некроманта могут всплыть на поверхность, и тогда их смысл станет простым, прозрачным и предельно ясным. Правда, случится это разве что в случае, если меня, как сосуд, выпьют досуха...

А призрак тем временем продолжал:

– Именно поэтому я потратил не одно столетие на поиск нового способа существования – не быть живым и быть не мёртвым. Потом я собрал всё необходимое и направился сюда. С единственной, кто мне дорогá. С кем я мог бы прожить столько, сколько захочется. С кем одной только жизни недостаточно. Она хоть и не разделяла моего отношения к смерти, но со мной готова была идти хоть куда. Всё. Это всё, понимаешь? Всё, что нужно. Она бросила Ниолон, я бросил войну, которую вёл, бросил всех, кого знал и пришёл сюда. Ещё в молодости я случайно попал в долину с одной гарпией и сразу присмотрел для себя местечко. Вернувшись, я спрятал все пути сюда, включая подземные реки, создал химеру на дне озера и закольцевал на ней возможные *возвраты*. Со временем даже воздух перекрыл, создал купол, через который могут пройти только те, кто безвреден – почти десять лет корпел над заклатьем. Мы с Эл’Ленор прожили в этом месте ровно сто лет, как и хотели, а потом умерли с помощью моего посоха. Жизнь у нас была не сахар, но умерли мы счастливыми. Улавливаешь иронию? Окончательное счастье пришло об руку со смертью. А знаешь почему? Потому что здесь нет никого и ничего, только наша с ней любовь, свет созданного мной солнца и сверкание песка.

Призрак помолчал, словно сомневаясь, стоит ли говорить дальше. Будто опасался, что его не поймут. Но всё же сказал:

– Ты верно заметил, я просто лёг и умер. Это, чтоб ты знал, вообще самое правильное, что я сделал в своей жизни.

Некромант злобно и даже с ненавистью смотрел мне в глаза. Сухой ветер мёртвого искусственного мира то и дело доносил обрывки каких-то слов, плача и смеха, но я не был уверен, что мне не мерещится. После рассказанного призраком и не такое могло почудиться.

– А тебе даже лечь и умереть уже не поможет, – мстительно ухмыльнулся мертвец. – Ты насобирав уже столько событийного мусора, что даже если умрёшь, эта гадость столкнётся со всеобщим событийным потоком. Чем больше времени пройдёт, тем большие разрушения вызовет это столкновение. И больше всех достанется тому, кто тебя прикончит. Так что не жди лёгкой смерти, клоп. Подыхать ты будешь в муках.

Я предпочёл пропустить эти злобные предсказания, больше похожие на проклятья, мимо ушей. Призрака это немного расстроило.

– Выметайся из долины, – сказал некромант с какой-то усталой ожесточённостью. – Чем скорее, тем лучше. Бери всё, что тебе нужно и вали отсюда. Только не трогай наши тела и мой посох. Когда с тобой произойдёт очередная случайность, в воронке которых ты уже увяз по самые уши, я хочу, чтобы ты был как можно дальше отсюда.

– С радостью, – отозвался я. – Так как отсюда выйти?

– Под моей подушкой лежит дневник с записями. Там есть карты двух оставшихся проходов и формула магического ключа, чтобы долина тебя выпустила. И, надеюсь, у тебя достанет ума никому не рассказывать про то, что ты здесь видел.

– Достанет. И... спасибо?

– Проваливай, – бросил некромант вместо прощания и просто растворился в ветре.

Через мгновение меня выдернуло из глубин Эфира и швырнуло обратно, на пол старого дома – даже в глазах потемнело, а желудок подкатил к горлу.

Ко мне тут же подскочили обеспокоенные товарищи.

– Эн! Ты где был?! – гном тянул меня, оглушённого, за плечо, пытаясь поставить на ноги. – Вот это фокус с исчезновением!

Я, едва смог сфокусировать взгляд после дикого полёта сквозь Эфир, обернулся к кровати. Некромант лежал в той же позе, в которой мы его нашли. Посох тоже остался нетронутым. Дверь была нараспашку, окна – тоже. Пыль всё ещё стояла столбом.

– Далеко, – запоздало ответил я. – Вы только посох не трогайте.

– Как только ты его коснулся, тут же исчез, – сказал Рэн. – А меня с ног сбilo. Магией.

– Мне остатки сарая прямо на голову рухнули! – жаловался Кир. – Шишка видал какая?! Что ты тут такого начудил?

– Нам пора отсюда, – вместо ответа сказал я. – Собирайте всё, что присмотрели, и уходим. По дороге всё расскажу.

Копатель и охотник переглянулись и разошлись по углам – собираться. Я же, переведя дух, снова подошёл кровати. Из-под подушки, у самого изголовья, едва высывался чёрный уголок. Я осторожно потянул за него, стараясь не потревожить череп некроманта – а ну как он меня снова на разговор утянет? Но обошлось: в руках у меня оказалась тетрадь с чёрной кожаной обложкой.

«Проваливай», – эхом раздалось у меня в голове.

Честно говоря, мне и самому этого очень хотелось. Сколько бы интересного не знал некромант, я отчего-то не хотел всё это услышать. Не произвёл он на меня впечатление человека, которому приносит счастье его знание. Вот я и подумал – а мне что, принесёт?

– Послезавтра нужно выдвигаться.

Мои слова заставили остальных замереть.

– Чего вдруг? – подал голос гном. – Собирались же только через неделю. Перевалы ещё не скоро закроются.

– Нельзя терять времени, – сказал я, думая вовсе не о перевалах. – Сегодня нам повезло. Но повезёт ли через неделю?

Гном в ответ только пожал плечами.

Ему как будто стало всё равно.

* * *

Некроманта звали Муалим Иль-Фарах – так было написано в дневнике. Ни я, ни Кир никогда не слышали этого имени, хотя чародей такой силы, живший каких-то пару сотен лет назад, должен был быть очень знаменит. Что ж, должен, да не обязан.

Как он и говорил, в дневнике обнаружилась карта, на которой были отмечены два выхода из долины: на восток и на запад. К счастью, на ней так же были отмечены расставленные ловушки. Нужная нам тропа брала начало в лиге к северу от нашего лагеря и сразу углублялась в горы. Мы выступили, как я и хотел, на рассвете третьего дня после встречи с мёртвым некромантом.

Благодаря Муалиму мы обзавелись недостающим снаряжением. Кир нашёл посуду, швейные принадлежности, моток эльфийской верёвки и пару железных крюков, которые приспособил под кошку. Рэн помимо виртулитов добыл мешки, старый стальной кинжал, несколько свечей, кусок самодельного мыла и даже переносной фонарь. Огонь мы отныне разводили при помощи кремней, на ночлеге стелили на землю одеяла. Я также прихватил белый некромантский балахон – он, конечно, не подошёл по размеру, но выбора-то не было. Всё лучше, чем голышом.

Но самое интересное я почерпнул именно из записей Муалима. Записи в большинстве своём отражали его размышления – примерно в том же ключе, что и его монолог при нашей встрече. Каждое предложение казалось мне жёстким, сухим, безэмоциональным – как в каком-нибудь научном труде, где нет места ничему, кроме изложения фактов. Муалим пытался проникнуть мыслью в природу многих фундаментальных материй и понятий, упорно, скрупулёзно. И каждый раз, когда ему казалось, что он нащупал истину, я чувствовал его разочарование – оно едва не стекало со страниц уродливыми чёрными кляксами. Вселенная медленно, но верно становилась для некроманта слишком скучной.

Однако стоило где-то в строке мелькнуть имени Эл'Ленор, как всё менялось. Жёсткие и в некоторой степени даже мрачные формулировки сменялись теплотой и образностью. Муалим редко позволял себе ласковое слово – но каждое из них относилось к эльфийке. Он мог

отклониться от темы и в отдельном абзаце описать какой-нибудь случай, связанный с Эл'Ленор – какой-нибудь пустяк, ничем не выделяющийся из рутины. Однако смысла в этих пустяках я углядел намного больше, чем сложных многоуровневых рассуждениях, занимающих десятки страниц.

Меня удивил положительный *возврат*, потому что я не мог представить ситуации, благодаря которой он может возникнуть. А теперь я совершенно точно знал, почему это явление имело место именно в жилище вредного, озлобленного на весь мир некроманта.

Он просто до безумия любил свою женщину. Какой-то болезненной, без конца терзающей душу любовью. Оставаясь с ней, он словно наносил себе увечья, а после ещё желал новых: большее, страшнее, уродливей. В этом самоистязании он видел смысл своей жизни – и был счастлив, страдая. А Эл'Ленор... Говоря о ней, некромант сразу становился необъективным, поэтому трудно судить, но она вроде бы отвечала ему взаимностью, хоть и не в такой чрезмерной форме. А положительный *возврат* – просто следствие того, что происходило между этими двумя.

Последняя запись в дневнике отличалась от остальных.

«Я готов. В нужный день, в нужный час. Нам пора уходить».

И дальше только чистота пустых строк.

Получилось, что даже такой неприятный человек, как Муалим Иль-Фарах смог породить нечто прекрасное.

А я? Я ведь тоже могу?

Глава XII. В ледяных стенах

Бесконечный коридор встретил меня равнодушной пустотой. Каждый шаг по гранитному полу отдавался гулким эхом, которое, много раз отразившись от светящихся белых стен, терялось где-то в высоте, не в силах достичь потолка. Несмотря на яркий свет коридор казался мрачным. Я чувствовал себя зажатым в исполинских белоснежных тисках.

Через равные промежутки, то на одной стене, то на другой висели картины – большие, в человеческий рост. Я долго шёл к первой, хотя казалось, что она совсем близко. Расстояние здесь словно измерялось временем – скорость шага никак не влияла на приближение картины. Лишь поняв это, я замедлился, хотя нетерпение так и толкало меня сорваться на бег.

Спешка здесь не имела ровным счётом никакого смысла. Галерея словно говорила мне: всему свой черёд.

Внутри резной деревянной рамы вместо полотна обнаружилась гигантская витрина, в которой, точно муха в янтаре, замерло пойманное мгновение. В нём Рэн, щурясь, тащил меня на себе из пещеры на дневной свет, а Кир, прикрывая глаза волосатой ручищей, шёл следом. Я был без чувств, смертельно бледен и похож на большую жутковатую куклу – свободная рука бессильно болталась, ноги волочились по земле. От уголка рта к подбородку тянулась засохшая струйка желтоватой слюны.

– Довольно жалкое зрелище, согласишься, – сказала Отражение, становясь рядом со мной.

– Трудно спорить.

Двойник помолчал.

– Очень символичная картина. Не замечаешь?

Я не захотел отвечать.

– Тебя чуть живого выносят из тьмы заблуждений к свету прозрения, – продолжило Отражение. – Заблуждений, которые тебя едва не погубили. Всё ещё не видишь? Посмотри на себя. Ты беспомощен, почти уничтожен. Только чужие доброта и совесть сохранили тебе жизнь. А сам ты с готовностью пустил её ко дну.

– Да, да, – не выдержал я. – Ты был прав. Мне не следовало гнаться за прошлым. Но я всё равно должен был совершить эту ошибку, чтобы понять, что это ошибка. Так что не слишком-то задавайся.

Я, не глядя на собеседника, повернулся и пошёл дальше по коридору. Следующая деревянная рама поплыла мне навстречу. Двойник плёлся следом.

– И теперь ты на пути к следующей, – сказал он после долгого молчания.

– Намеряешь, что я зря хочу выручить Лину? – усмехнулся я. – Что мои доброта и совесть – ошибка? То есть меня пусть спасают, а я так же поступать не должен. Чудесный подход. Очень удобный. Следующий шаг какой? Ударить своего спасителя в спину?

– В конечном счёте твоя совесть ничего не будет значить, а доброта встанет камнем в горле, когда надо будет принять судьбоносное решение. Ни то, ни другое не ошибка само по себе. Ошибка возводить их в абсолют.

– И что, – вздохнул я, оборачиваясь, – вытащить девчонку из беды – слишком добрый поступок?

– Нет, – ехидно глядя мне в глаза, ответило Отражение. – Но ты ведь не только добротой при этом руководишься, не правда ли?

Я стиснул зубы. Двойник выдержал паузу и взглядом указал на стену – где как раз оказалась очередная витрина.

В ней, словно на выставке, стояла знакомая двухместная кровать. На ней, обнявшись, лежали тела Муалима и Эл'Ленор, а рядом мрачно возвышался посох с черепом. Только здесь, в витрине, всё выглядело ещё более реальным, чем когда мы с Рэном и Киром вторглись в дом

некроманта и эльфийки. Здесь вечность и спокойствие буквально витали в воздухе, и кроме них не было больше ничего. Только пыль блестела в тонких солнечных лучах.

– Ты хочешь чего-то подобного, – сказал двойник. – Можешь ничего не говорить, я ведь в твоей голове как у себя дома. Это вторая твоя великая иллюзия. Первая была, что тебе не будет покоя, пока ты не знаешь о себе правды. Вторая – что ты сможешь прожить тихую спокойную жизнь и умереть счастливым. А на данный момент тебе для этого нужна Лина.

От этих слов у меня внутри что-то оборвалось. Забурлила ярость: что этот шут недоделанный опять сочиняет? Хочет вывести меня из себя? Или, как обычно, преподаёт какой-нибудь урок? Да ещё и с такой гнусной рожей, словно всё-то он знает! И почему нельзя просто взять и разбить ему эту самую рожу?

Я даже стиснул кулаки, но сдержался. Отвечать тоже не стал – просто смотрел на двойника, как в самое ненавистное на свете зеркало.

– Не переживай, – сказал он, не отводя взгляда, – я понимаю, что эту ошибку тебе тоже необходимо совершить. Иначе ты не поймёшь.

– Ну до чего же ты умный, – выплюнул я. – Как тебе, наверное, больно смотреть на меня идиота!

– А особого ума тут не надо, – покачал головой двойник. – Нужен только опыт.

Не очень-то поняв, что он имел в виду, я махнул рукой и пошёл дальше по коридору. Быстро, размашисто – забыл, что толку от этого никакого. Отражение, сделав всего два неспешных шажка, снова оказалось рядом со мной.

– Ещё не всё?! – рявкнул я. – Ещё не все советы даны, не все сентенции высказаны? Может, есть ещё какие-нибудь «великие иллюзии», о которых мне непременно нужно узнать?

– Есть ещё одна, – кивнул двойник. – Но для неё пока слишком рано.

– Да говори, чего там. Всегда рад твоим бредням!

– А я – твоим. Вот как славно мы живём!

– Да денься ты уже куда-нибудь! – крикнул я прямо в собственное ухмыляющееся лицо. – Проваливай в Бездну!

– Как скажешь, – сказала Отражение и снова указало взглядом на стену.

Я повернулся и замер – передо мной оказалась пустая витрина. Присмотревшись, я понял, что вижу за стеклом точно такой же коридор со светящимися стенами.

А потом осознал, что не могу пошевелиться.

В коридоре прямо напротив меня висело зеркало. В нём уже не было Отражения. Только я сам, заточённый в одном мгновении, стоял в очередной витрине.

* * *

Рэн осторожно ступал по узкому каменному карнизу. Поскользнуться он не боялся, но с ветром здесь, в высокогорьях, шутки были плохи. Если проблема с обледеневшим уступом решалась вбитыми во вторую подошву гвоздиками, то от жестоких порывов можно было убежать, только плотно вжимаясь в скалу.

С погодой не везло уже пару недель. Сначала, когда маленький отряд покинул Укромную Долину, всё было нормально, но уже на третий день на горы спустился туман. Днём он поднимался, но утром и вечером в этом молоке не было видно ни зги. Потом отряд наконец забрался повыше, и мгла осталась внизу – плотная, как подушка.

Стоило отделаться от первой помехи, как возникла следующая. Через день полил дождь – холодный и долгий, как надвигающаяся осень. Энормис в тот же день подхватил простуду, а Кир поскользнулся и порвал одну из сумок с провизией. Несмотря на болезнь чародей отказался переждать ненастье, поэтому два полных дня они шли промокшие и замёрзшие. Рэн подумал, что человеку ничего не стоит подхватить здесь воспаление лёгких и умереть, но бла-

горазумно промолчал. А на третий день они поднялись ещё выше в горы, и льющая с небес вода сменилась снегом.

С тех пор снегопад то ослабевал, то превращался в метель, то просто валил крупными хлопьями. На полдня прекращался и опять валил. Идти становилось всё труднее, каждый переход выматывал все силы – в основном у Энормиса, разумеется. Гном оказался более выносливым, но зато всё время ныл, чем действовал остальным на нервы. Он жаловался на слякоть, на холод, на осень, на сапоги, да и в целом на жизнь – поводы у него находились без малейшего труда. Рэн старался извлечь из этого пользу, потому что учил язык, в основном вслушиваясь в речь спутников. Но под конец второй недели нытьё Кира допекло даже его.

Это была одна из причин, почему охотник обогнал товарищей и ушёл немного вперёд. Он обернулся, чтобы убедиться, что спутники не свалились с уступа: те маленькими приставными шагами шли вдоль скалы в трёх десятках шагов позади.

– Давайте быстрее! – крикнул Рэн, силясь перекрыть голосом завывания выюги.

В ответ ему прилетело несколько невнятных гномских ругательств.

Сам пуэри старался просто идти вперёд. Сегодня, вчера, неделю назад – с того самого мгновения, как вместе с Энормисом покинул Источник. Он усилием воли запретил себе думать о чём-либо кроме выживания. Так было проще. Так было не страшно. Рэн решил для себя, что когда-нибудь он обязательно возьмёт себя в руки и примет всё, что случилось с его миром. Но не сейчас. Не сейчас.

И плевать, что он поступает при этом скорее как человек, а не как пуэри.

Тем более что первый же человек, которого охотник встретил, разрушил его представления о людях. Из книг Рэн знал, насколько люди слабы духовно и подвержены страстям. Исторические трактаты, даже написанные самым нейтральным языком, представляли человечество как непоследовательную, склонную к агрессии и самообману расу. Многие сородичи Рэна, как и он сам, дивились тому, как люди вообще могут существовать, при такой-то любви к войнам. Словом, всякое о людях говорили и писали. То они морально незрелые, то умственно закорюченные, то жестокие, то наоборот, мягкотелые...

Энормис, на взгляд Рэна, всюду не вписывался. Больше всего охотника удивляло то, с какой непоколебимой уверенностью чародей двигался к своей цели, даже если цель эта была насквозь эфемерной. Этот человек готов был оставить позади всё, что прежде имел, и идти дальше, несмотря ни на что. Словно ему было совсем нечего терять. Но ведь на самом деле было!

Эта напористая безоглядность имела свой шарм. Чародей никому ничего не доказывал и тем самым заставлял себя слушать. У Энормиса была своя, особенная харизма, сквозящая наружу в каждом слове и движении. Станным образом он одновременно сбивал с толку и привлекал нарочитой прямолинейностью и кажущейся простотой.

Впрочем, Рэн не мог поручиться за объективность своих наблюдений. Ведь Эн был первым и пока что единственным человеком, которого пуэри встретил на своём веку.

Охотник переждал очередной порыв ветра и двинулся дальше.

Карта вела их маленький отряд не самыми простыми путями, но им ни разу не пришлось поворачивать назад. Они огибали выпуклые бока гор, поднимались на перевалы, спускались в логи, потом снова взбирались на серпантин – но всегда возвращались к основному направлению. Даже когда кончились деревья, потом кустарники, а потом и бледный мох исчез под снегом, разномастная троица находила ориентиры, обозначенные на карте. Кир часто посылал проклятия на голову того, кто догадался проложить тропу по таким труднопроходимым местам, но делал это скорее из вредности. Все понимали, что удобная тропа может запросто оказаться гибельной, а трудная – единственно правильной.

Снежинки, как туча острых метательных звёздочек, секли лицо. Ветер пронизывал даже тёплую одежду и силой отбирал тепло. Его свист среди каменных глыб иногда звучал совсем

как звериный вой. Горы словно волчья стая предупреждали путников: не зевайте. Кто зазева-
ется или отстанет – умрёт.

Впереди, за белой стеной выюги, мелькнуло нечто большое и тёмное. Приложив ладонь
козырьком, Рэн всмотрелся. Там, за небольшим изгибом, тропа расширялась и уходила под
каменный язык. Укрытие!

– Эй! – крикнул он, обернувшись к товарищам. – Там...

Резкий толчок по ногам не дал ему договорить. Пуэри тут же вжался в скалу. Эномис
что-то крикнул, но слова унёс ветер. Рэн уже собрался двинуться обратно, поближе к спутни-
кам, но гора снова задрожала, едва не сбросив охотника с уступа. Он быстро лёг вдоль скалы,
мельком глянув вниз: там были лишь камни и снег. «Только землетрясения сейчас на хва-
тало», – пронеслось в голове пуэри. Его рука лихорадочно шарилась по мешку в поисках крюка,
которым так удобно цепляться за обледеневшие поверхности, но тот, как назло, не попадал в
ладонь. Если бы Рэн делал это осознанно, то вспомнил бы, что полчаса назад перевесил его на
пояс. Однако голова была занята лишь мыслями о том, как удержаться на каменном карнизе
в полтора локтя шириной и добраться до укрытия.

– Рэн! ... крепче ... будет ... не ... места! – крик человека долетал обрывками.

Пуэри приподнялся, крикнул:

– Что?

Всего на секунду он вышел из надёжного лежачего положения, но этого оказалось доста-
точно. Очередной толчок, ещё сильнее, ещё резче, просто смёл охотника вниз.

Крюк сам собой упал в руку; мгновенно извернувшись, Рэн вонзил его загнутую часть в
край уступа, на котором только что лежал. Ноги сильно ударились о глыбу отвесного склона.
В добавок к вою ветра добавился низкий, раскатистый гул – и Рэну показалась, что так горы
смеются над ним, торжествуя.

Что-то неразборчивое кричали спутники. Рэн уже ждал следующего, последнего толчка,
который окончательно сбросит его в пропасть.

Однако вместо этого на голову ему обрушилась лавина.

* * *

Мы с Киром видели, как белая волна поглотила фигурку пуэри, зависшую над пропастью,
как эта масса сплошным потоком соскользнула вниз и оставила после себя лишь обледеневший
каменный карниз. Я попытался задержать снег магией, но заклинание просто кануло в буране,
словно песчинка. Против разбушевавшейся стихии мы были беспомощнее котят.

Гудели, дрожали, горы, ветер выл точно обезумевший, гремели небеса – я никогда так
отчётливо не ощущал ярость мира, направленную против меня. Это было страшно, чудовищно;
мы с Киром кричали, изо всех сил вцепившись руками друг в друга, ломая ногти, стараясь
как можно плотнее вжаться в угол между выступом и отвесной скалой. Сверху валились целые
сугробы, снег забивался за шиворот, в глаза, ноздри, рот. Каждая минута растягивалась до
часов и дней, переполненных страхом и отчаянием. Казалось, ещё миг – и мы упадём так же,
как Рэн. Однако пальцы мои отчего-то не разжимались, мёртвой хваткой вцепившись в плечо
Кира и неровность скалы, словно в последнюю соломинку.

Впрочем, это всё, что нам оставалось. Цепляться за жизнь и друг за друга, а ещё кричать,
кричать, кричать – потому что так было легче.

* * *

Когда буря утихла, мы выбрались, но я не запомнил, как именно. Помню, как полз на
четвереньках по заваленному снегом карнизу. Потом как приставными шагами мерил выступ,
на который даже стопа не помещалась. Помню молчание гнома, звучащее красноречивее и
громче всей его обычной болтовни. А ещё погребённые под снегом скалы – там, куда упал Рэн.

Когда мы остановились на ночлег, уже давно стемнело. Опасный участок тропы закончился: карниз вывел нас сначала на пологий склон, а потом и в ущелье, защищённое от снега выступающей кромкой скалы. Усталость навалилась сильнее обычного, шевелиться не хотелось вовсе. Я еле заставил себя пойти на поиски дров. Почему-то стало стыдно – наверное потому, что теперь мы вдвоём занимались всеми этими мелочами, которые раньше делились на троих. Как ни в чём не бывало. Словно так всё и задумывалось...

Чахлые кустарники, которые нам удалось найти, прогорели за пару часов. Мы едва успели приготовить горячую похлёбку, просто необходимую для выживания в столь холодных местах. Поужинали – и легли, обессиленные, завернувшись в плащи. Догорающий костёр я понемногу подпитывал магией. Хотел ещё немного посмотреть на пламя.

– Жаль парня, – сказал гном, в чьих глазах тоже отражался огонь.

Он старался произнести это как можно спокойнее, но переиграл. Я промолчал в ответ.

– Думаешь, он живой? – Кир посмотрел на меня с сомнением, почти с вызовом.

Я вздохнул.

– Не знаю.

– Да брось ты! – фыркнул копатель. – С такой высоты, да ещё...

– Он в одиночку убил скорпикору, – перебил я. – Потом, раненый, бежал с нами. Плыл, тащил меня на своём горбу.

– Это ещё ничего не значит, – сухо отозвался гном. – Как бы он выжил при таком падении?

– В его случае всё зависит только от того, насколько он сам хотел выжить. А у него, по моему, причин жить побольше, чем у нас с тобой.

Рыжий копатель не стал возражать. Отвёл взгляд, вздохнул и отвернулся лицом к каменной глыбе, рядом с которой лежал. На первый взгляд могло показаться, что Кир считает меня наивным дурачком, который надеется на несбыточное. Но меня он не обманул. Гном утверждал, что Рэн погиб, потому что сам надеялся на обратное, но боялся ошибиться. Так Кир самому себе казался сильнее.

И понял я это, потому что думал точно о том же, а с гномом не согласился из чистого противоречия.

Ночь прошла спокойно, не считая собачьего холода и категорического нежелания ему противостоять. Перед сном больше не разговаривали. Впервые на месте стоянки не услышать было ни плоских шуточек гнома, ни его же ворчания, ни старательного бормотания, которыми сопровождался занятия Рэна языком. Только унылое молчание под далёкие завывания ветра.

Наутро выдвинулись дальше, не выспавшиеся и замёрзшие. За ущельем местность изменилась – почти исчезли резкие обрывы, тропа расширилась, склон почти выровнялся, а впереди, в нескольких днях пути, замаячили вершины последней горной цепи, в которой находился указанный на карте проходимый перевал. Постепенно мы вышли на плато, где снова стали попадаться растения и мелкое зверьё. После многодневного блуждания среди голых скал это было даже непривычно.

Нормальный настрой стал возвращаться к нам только через пару дней, когда и я, и гном попросту устали от постоянного молчания, которое изредка прерывалось скупыми фразами вроде «куда дальше?» или «давай передохнём». Снова начались разговоры. И хотя поначалу они были словно разрезаны на лоскуты длинными паузами и угрюмыми взглядами, от них становилось легче.

Вечером третьего дня, после ужина, Кир вдруг сказал:

– Вчера было девятое полнолуние.

Я оторвал глаза от карты, с которой в очередной раз сверялся, и глянул вверх неё. Копатель устало смотрел на огонь.

– Ты это к чему?

Кир вздохнул, закашлялся. Этот кашель донимал его с того дня, как нас осталось двое.

– Мы вышли за кордон ровно в ночь седьмого, – проговорил он, едва приступ закончился. – Прошло два лунных цикла. Меня больше не будут ждать. Для всех я геройски погиб. Помолчали.

– Но ты ведь жив. Вернёшься потом, расстроишь всех этим фактом, – я улыбнулся, но вышло кисло. Гном вообще не отреагировал на шутку.

– Нет. Пусть лучше так. Пусть думают, что кончилась моя удача. И так два десятка лет ходил и хоть бы что. Копатели столько не живут.

– Не собираешься возвращаться?

– Нет.

Помолчали.

Мне вдруг стало странно от его ответа – ведь он жизнь положил на то, чтобы помочь своему народу справиться с напастью из Глубин. Вывод напрашивался сам собой: Оракул сказал Киру нечто такое, что заставило копателя полностью пересмотреть свои планы. Я очень хотел задать прямой вопрос, но ограничился нейтральным:

– Почему?

Кашлянув, гном бегло глянул на меня, а потом снова уставился на угасающее пламя костра.

– Знаешь, а устал я. Устал бобылём жить. Вот это «я сам», всё время в одиночку – надоело. Ни роду, ни семьи, ни друзей, всё время в работе. А жизнь-то где? Нету жизни, Эн. Одно сплошное самоубийство.

Он замолчал, а я вспомнил, что гномы делают свой выбор только раз в жизни. Любят только единожды. Нет на свете гнома, который бы дважды женился по любви. Отчасти поэтому в их общине женитьба раньше шестидесяти лет для мужчины считается дурным и необдуманным поступком. Все без исключения гномы относятся к делам сердечным более чем серьёзно.

Может быть, именно поэтому Кир не стал мне перечить, когда я решил идти за Линой.

– Была у меня подруга, – начал он, отвечая на мой немой вопрос. – С малых лет дружили, все дела. Делина её зовут. Вот были у тебя друзья детства? А, ну да, извиняй... В общем, помню я её столько же, сколько и себя, а знаю даже лучше, чем она сама себя знает. Знаешь, как дорого такое стоит? Чтобы десятки лет с таким другом душа в душу? Ничего ты не знаешь, бедолага. А я с самой юности знал, что она будет моей женой. Год за годом готовился – думаю, вот исполнится шестьдесят, так я ей сразу гребень подарю¹. Вообще не думал никогда, что по-другому выйти может. Ох и балбес же...

Он рассказывал спокойно, размеренно, и только последняя фраза хлестнула, как кнут. Гном откашлялся и продолжил:

– А в пятьдесят четыре я поехал с отцом в далёкое путешествие. Отец без одной руки по локоть был, обвалом отдавило. Для тяжёлой работы, понятное дело, не годился. Потому торговал – довольно успешно, кстати. А в тот год ему в добавок приспичило братца повидать, который в Синих Горах живёт. Собрал папаня семейный караван. Я уже с ним ездил пару раз, а вот братцы мои младшие впервые из Тингар уехали – отец взял их вроде как носильщиками, но на самом деле скорее воспитания ради. Мать, конечно, дома осталась, как всегда. Полгода мы до Синих Гор добирались – торговать останавливались в каждом городе. Погостили месяцок у дядюшки, отправились обратно. Доехали до Васета. Не бывал? На западе Дембри городок. И аккуратно на следующий день после нашего приезда там погром случился.

У меня по спине пробежал холодок. Я читал о васетской резне, когда по настоянию Дисса изучал историю. В тот год случился неурожай, а купленного в соседних землях не хватало,

¹ По традициям гномьей общины, гномка не имела права носить длинные волосы до тех пор, пока не выйдет замуж. Если гном дарил гномке гребень, это означало предложение руки и сердца.

чтобы прокормить крупный город. Скот исхудал и стал подыхать. Начался голод. Когда люди вышли к дворцу градоправителя с требованием открыть амбары знати, чтобы раздать зерно городским булочникам, их избили. Когда через несколько дней людей собралось больше, на стены дворца выставили лучников – чтобы отстреливать самых непослушных. Когда ещё через день голодные горожане решились на штурм, на подмогу к гвардии градоправителя подросла конница его отца, на тот момент герцога дембрийского. Для острастки половину из тех, кто выжил на улицах, развешали вдоль стен города. Зачинщиков казнили долго и кроваво.

– Торговать ходил в тот день я, возвращался уже продираясь через толпу и молил Пра-отца, чтобы не добрались до моих. Наш фургон лежал перевёрнутый и как раз догорал, когда я подросел. Отец лежал под ним, обгоревший до неузнаваемости. Только по культе да фамильному амулету я его и опознал. Корин, самый младший брат, лежал неподалёку, затоптанный лошадьми. Грости, средний, с перерезанным горлом висел на заборе. Я их еле нашёл, потому что трупов на улицах было по колено навалено, мать их. И каждую минуту только прибавлялось.

Гном умолк, собираясь с мыслями. Я не прерывал молчания.

– Я-то выжил только благодаря случаю... Потому что вовремя смылся, когда баронская дружина разобралась с бунтовщиками и пошла карать всех без разбору. Переждал в каком-то доме, с двумя трясущимися бабами и сворой орущих детишек. На следующий день, плохо помню как, похоронил братьев и отца. Всех троих, в одной могиле. Помню только, что амулет отцовский туда положил. И двинулся домой. Пешком...

Он снова закашлялся – сухим, надтреснутым кашлем, словно в глотке у него засел ржавый гвоздь.

– Прибыл домой только к середине зимы, матери рассказал. Она поседела за несколько ночей, пока рыдала. Через лунный цикл узнавать меня перестала. А ещё через два умерла. От горя. А потом знаешь, что? – Кир усмехнулся, но до того печально, что от смеха в его ужимке осталось только слово. – Я пошёл к Делине. Дома никого не застал – тот стоял как брошенный. Пошёл к соседям. Там-то мне и рассказали, что она выскочила замуж не далее, как осенью, и со всей семьёй уехала далеко на восток. Ничего после себя не оставила. Ни полслова на прощанье не черкнула. Словно и не было меня. Вот так-то, Эн... Вот так-то.

Кир замолк. За всё время рассказа его голос ни разу не дрогнул, из-под набрякших от усталости век не пробилось ни слезинки. Он уже давно оставил себя в прошлом. И смирился.

Ветер завыл в далёких скалах, сетуя на судьбу вечного кочевника, и тем самым бесцеремонно нарушил тишину, воцарившуюся у нашего костра.

– Давно хотел тебя спросить, почему ты стал копателем, – сказал я, глядя на гнома. – Но теперь уже и сам понял.

Ветер снова подхватил свою печальную ноту.

* * *

Рэн знал, что друзья сочли его погибшим. Он и сам не сразу поверил, что всё ещё дышит.

Падая в пропасть, он судорожно пытался ухватиться хоть за что-нибудь, но вместо этого лишь бился о проносающуюся мимо скалу. Один из ударов был настолько силён, что чуть не лишил охотника сознания. Поняв, что так ничего не получится, он сгруппировался, подгадал момент и выкинул руку с крюком в направлении стены. Железяку тотчас вырвало из руки, но дело своё она сделала: падение сильно замедлилось, и спустя всего пару секунд Рэн рухнул в сугроб.

Сверху продолжал падать снег, пытаясь похоронить пуэри заживо, но тот уже намертво вцепился в свою удачу. Он грёб конечностями и извивался всем телом до тех пор, пока рука не вырвалась на поверхность. Дальше стало проще. Выбравшись из-под завала, охотник пополз к

темнеющему впереди углублению в скале; совсем рядом с хлопком ушёл в сугроб огромный булыжник.

Борьба со снегом забрала все силы. Едва перебирая руками и ногами, Рэн забрался под каменный навес и почти сразу забылся.

Очнулся он в полной темноте. Голова раскалывалась, тело онемело от холода. Боль от ушибов ушла на второй план, а на первый вышла ломота в промёрзших мышцах. Охотник не мог понять, есть ли у него переломы, но знал наверняка, что будь на его месте Энормис, он наверняка погиб бы. Так что в каком-то смысле хорошо, что сорвался именно пуэри, чьё тело намного крепче человеческого. Лишь бы остальных не постигла та же участь...

Рэн думал об этом, пока окоченевшими руками рыл себе путь на свободу. Вся его одежда промокла, кожу жгло, руки и губы тряслись от холода. Усталость выламывала руки, подтачивала волю к жизни. Очень хотелось лечь, свернуться клубком и подремать, но пуэри знал, что если не согреется в ближайшие два часа, то вряд ли проснётся. Чтобы продолжать бороться, Рэн уговаривал себя, бормотал подбадривающие реплики, пытался шутить – делал всё, чтобы не опустить руки.

Позже, когда охотник, измождённый, лежал на спине и вглядывался в ночное небо, он вдруг почувствовал себя новорождённым. Зияющий рядом проход служил главной причиной такой ассоциации – Рэн словно выбрался из утробы, которая сохранила ему жизнь. Всё его прошлое представлялось в тот миг другой, старой жизнью; новая же началась только что, со слабости, холода и боли – точно у младенца, лишившегося тепла материнского тела и вынужденного дышать непривычным, режущим лёгкие воздухом.

Как только страх смерти отступил, жить стало намного проще. Найдя немного дров, охотник первым делом отогрелся и высушил одежду. Потом поспал, чтобы восстановить силы. Проснулся ближе к полудню – с момента падения прошло чуть меньше суток. Рэн не знал, где оказался и куда ему идти, а главное уцелели ли остальные в том катаклизме. Оставалось только надеяться на лучшее – и отправляться на поиски.

Целый день охотник проблуждал по ущелью, в котором оказался. Лишь ближе к вечеру он вышел на более-менее пологий склон, по которому можно было забраться наверх. Карабкаясь по каменным уступам, Рэн даже немного радовался – от таких нагрузок стало жарко.

В горах вязкой субстанцией замерла тишина безветрия; небо всё ещё не освободилось от тяжёлой пелены облаков, непроглядная темнота окружала пуэри со всех сторон, и если бы не магический огонёк, невозможно было бы и шагу ступить до самого рассвета. Ночью Тингар превращались в тёмное, мрачное царство – горы-великаны безмолвно высились рядом, со всех сторон, пряча в высоте снежные короны. Лишь изредка эти древние исполины оглашали близкое небо отдалённым гулом, будто переговариваясь – вяло, полусонно. Их разговоры длились здесь века, тысячелетия. Куда камню спешить?

Как всегда ближе к утру пуэри захотелось есть – запас энергии, собранный днём солнечным питанием, подходил к концу. Он мог остановиться и поспать, но такой роскошью, как лишнее время, не располагал. Несколько раз он запускал поисковое заклятье, но никаких следов своих товарищей так и не нашёл. Оставалось лишь стараться сохранить направление, высчитывать расстояния; он примерно помнил карту и рассчитывал выйти на обозначенную некромантом тропу – там уже догнать друзей будет делом времени.

Об этом Рэн и думал, когда подошёл к очередному уступу. Черда каменных ступеней природного происхождения уводила наверх; где-то рядом находился тот самый хребет, по которому должна была пройти их компания.

Вместо того чтобы схватиться за уступ, его рука вдруг провалилась в скалу. Пуэри тотчас в ужасе отпрянул, но очертания камней уже пришли в движение, словно те разваливались на части.

«Ещё одно землетрясение?!» – успел подумать он, хотя чутьё сразу подсказало – нет, землетрясение не при чём. В лицо ударил ветер – сухой, тёплый, какого не может быть в горах. Мир с шумом провалился куда-то вглубь себя; в полном недоумении пуэри увидел, как появился и исчез его альтер – лишь мелькнули белые провалы глаз.

И только потом охотник понял, что несётся сквозь Эфир, только что проскочив слой со своим энергетическим аватаром. Неведомая сила тащила его всё дальше и дальше, в глубины, которых Рэн никогда не видел. Ему казалось, что он чувствует запах тлена и смерти. Наконец вслед за этой вонью из тьмы вынырнула пепельно-серая пустыня, обдуваемая тем самым ветром, который почувствовал Рэн в начале.

– Ты! – раздался голос за его спиной. – Существо!

Рядом с ним стоял полупрозрачный человек – невысокий, горбоносый, с хозяйским выражением лица и в смутно знакомом балахоне. Через секунду до охотника дошло: ведь это тот самый некромант, с которым говорил Энормис!

– Слушай и не перебивай, – человек приблизился на расстояние вытянутой руки, глядя на Рэна исподлобья. – Я наблюдал за вашей компашкой с тех пор, как вы забрались в мой дом. Твой... спутник меня насторожил.

Что-то мелькнуло во взгляде стеклянных глаз, но пуэри так и не смог понять что – то ли злоба, то ли потаённый страх. Все произошло слишком быстро – несколько секунд назад он был окружён скалами, а сейчас уже дышал спёртым воздухом глубинного слоя Эфира и разговаривал с давно мёртвым некромантом. Ошеломлённый, охотник вслушивался в речь призрака – тот говорил на Локуэле, но с заметным акцентом.

– Таких, как он, быть не должно, – продолжал Муалим, пронзая череп Рэна острым, как игла, взглядом. – Уже тогда я это понял. И решил кое-что разузнать. То, что я выяснил, мне не понравилось.

Некромант замолчал, словно надеясь, что собеседник сам догадается, о чём идёт речь.

Но Рэн понятия не имел, что происходит.

– Чего ты хочешь? – спросил он растерянно.

– Я хочу, чтоб ты его убил, – лязгнул Муалим. – Как только вы покинете горы.

Пуэри словно ударили по голове – он даже отшатнулся.

– Убил?! Не тебе мне говорить...

– Заткнись, – властно прервал его мертвец. – Сопляк. Ты ни черта не понимаешь. Твой дружок – ходячий конец света. Я думал, если прогоню вас подальше, меня не зацепит. Но выяснилось, что если он проживёт достаточно долго, не спасётся никто. Вообще.

Рэн скрестил руки на груди.

– Мы сейчас на срединном эфирном слое, – продолжал некромант, не ослабляя напора. – Я обычно нахожусь ещё глубже. Так вот соль в том, что там ничуть не безопаснее, чем в двух шагах от твоего Энормиса, – имя чародея Муалим выплюнул, как ругательство.

– С чего ты это взял?

– Я уже объяснял ему. Он вам не сказал, да? Неудивительно. Ваш дружок – магнит для событий. Он их притягивает с каждым днём всё сильнее. Через какое-то время всё пространство событий сместит свои оси, а он окажется на их пересечении. Ты понимаешь, чем это грозит всем нам?

Пуэри молчал.

– Так я могу тебе сказать, – лицо некроманта словно превратилось в маску. – Любое его действие, любой шаг, будет влиять на вселенную с многократным эффектом. Сказал слово – где-то рухнули горы. Поковырялся в зубах – испарился океан. А что будет, если он слетит с катушек? Рано или поздно всё это закончится самой последней из всех возможных катастроф.

– Чушь. Это вообще возможно?

– Дело не в том, возможно ли это, дело в том, что невозможен он. Его не должно быть. По всем законам, по всем правилам. Из-за этого вселенная сходит с ума, потому что он своим существованием создаёт парадокс, нарушающий её стабильность. И этот процесс только набирает обороты, причём в геометрической прогрессии. Такую угрозу нельзя игнорировать. – Муалим замолчал на какое-то время и, подумав, добавил: – Каким бы замечательным человеком он не казался.

Охотник не знал перевода некоторых слов, но общий смысл, как ему казалось, уловил. На первый взгляд сказанное казалось полным бредом. Но после того, что они узнали у Источника, если задуматься...

– Чего же ты сам его не убьёшь? – анима пуэри перешла к синему цвету.

Признак страха.

– Если убить его в Эфире, все слои перемешаются, и меня сотрёт в порошок. А убить его в Нирионе я не могу, потому что сам уже мёртв.

– То есть если он умрёт там, здесь ничего не случится, – подытожил Рэн. – Минуту назад ты сказал совсем другое.

Муалим злобно взглянул на него, да так, что у пуэри дрогнули колени.

– Ничего не случится, если его убить СЕЙЧАС. А не когда вокруг него станет вращаться вся вселенная. По горам ему идти ещё несколько дней. Если он умрёт у последнего хребта, ваш мир отделается локальным катаклизмом, который произойдёт по большей части в Чернотопье. Практически бескровно.

Рэн вообще не понимал, почему всерьёз обсуждает убийство с некромантом, совершившим самоубийство. Он вдруг понял, на что рассчитывал мертвец: на то, что пуэри испугается и из трусости согласится на предательство друга.

– Чушь, – сказал охотник, смеясь. – Бред.

Эти слова стали последней каплей, перевесившей чашу терпения некроманта. Тот вскинулся и рывком приблизился к самому лицу пуэри: в его глазах ничего не было. Только хищная пустота.

– Да плевать мне, веришь ты или нет, – голос мертвеца превратился в хрип, словно его связки сгнили в одно мгновение. – Если ты не убьёшь его, я самолично найду тебя и прихлопну, усёк? Уж от твоей-то смерти ни от кого не убудет. Всё, свободен!

Невидимая сила ударила охотнику в грудь, вышибив из лёгких воздух; пустыня исчезла, эфирные слои замельтешили, сменяя друг друга...

Спустя несколько секунд пуэри уже стоял на четвереньках на прежнем месте возле каменного уступа и тяжело дышал. Его подташнивало. Отчасти от слишком быстрого полёта сквозь энергетическое пространство, отчасти от того, что он услышал. Рэн не верил Муалиму, но допускал, что тот может быть прав. Энормис и впрямь связан с парадоксом – иначе как объяснить то, что у него нет родителей? Некромант много чего говорил, и не всё пуэри понял, но... Да если всё это правда, неужели убийство – единственный выход?

«Вечно люди ищут самые простые пути, – с отвращением подумал он, поднимаясь на ноги. – И если для всеобщего блага нужно солгать – солгут. Если нужно убить – убьют. У них всё всегда просто. Самое паршивое, что именно поэтому их враги постепенно исчезают с лица земли, а человечество живёт и процветает».

Охотник влез на очередной уступ, но в последний момент нога соскользнула, и Рэн грохнулся обратно. Потирая ушибленное плечо, пуэри с чувством выругался – и с удивлением обнаружил, что стало чуточку легче. Тогда он набрал побольше воздуха и заорал, вложив в крик столько злости, сколько мог. Под ногу попал камешек; в следующий миг он получил такого пинка, что со свистом канул где-то в темноте.

– Я, что ли, должен охранять твоё спокойствие?! – крикнул пуэри в никуда. – Так, некромант? Да пошёл ты!

Эхо его голоса угасло среди гор. Вместе с тем на душе полегчало, а в голове прояснилось. Рэн даже подумал, что, возможно, стоит остановиться на ночлег и отдохнуть.

Но уже через пару мгновений мир вокруг него снова сломался.

– Что, опять?! – только и выкрикнул он, наблюдая, как мимо проносится альтер.

Снова запестрил энергетическим многоцветием Эфир. Первой мыслью охотника было: «Он всё-таки решил меня убить». Но срединный слой, куда затянула его воля некроманта, пронёсся мимо точно так же, как и все остальные.

Пуэри тащило всё дальше и дальше, сквозь невообразимые полупространства. То ли обломки, то ли зародыши миров появлялись и исчезали, с глухим хрустом рассыпались на части пробиваемые энергетические преграды; вращаясь в своём защитном коконе, Рэн ворвался в сплошной свет, потом вдруг оказался в темноте, в которой стремительными росчерками мелькали искры. Но со временем всё осталось позади, даже темнота: пуэри остановился перед плёнкой, очень похожей на стену, потому что позади неё не было уже ничего.

И сквозь эту плёнку ему навстречу шагнула знакомая фигура. Увидев её, Рэн едва не лишился дара речи.

– Энормис? – просипел он, не веря своим глазам.

На лицо чародея вползла змеистая улыбка, которой пуэри никогда не замечал за товарищем.

– Почти, – ответил знакомый голос незнакомой интонацией.

«Нет, это не он», – понял Рэн. Чародей никогда не говорил *так* спокойно.

– Тогда кто ты?

– Можно сказать, я его брат-близнец, – человек не сводил глаз с охотника. – Но знакомиться нам не обязательно. Лучше даже не стоит.

Совершенно сбитый с толку, Рэн предпочёл промолчать.

– Я хотел тебе сказать, чтобы ты не переживал из-за этого чернокнижника, – проговорил псевдо-Энормис вкрадчиво. – Он никогда не осмелится воплотить свои угрозы. Ты же не убьёшь друга из-за чьих-то наущений?

Пуэри помотал головой. Получилось не слишком уверенно, но собеседнику хватило и этого.

– Вот и славно, – двойник Эна просиял. – Мне чисто случайно повезло услышать ваш с Муалимом разговор. Он думает, что знает достаточно, но это не так. Самого главного он не может знать.

– Но то, что он сказал... вероятно?

– Я этого не допущу, – человек легко махнул рукой, словно речь шла о простуде. – Не надо Энормису погибать. Я бы тебя даже попросил подстраховать его в меру сил. Догоняй своих друзей скорее, они не так уж далеко ушли.

Пуэри открыл рот, чтобы задать вопрос, но не-Энормис его перебил:

– Сейчас ты идёшь неправильно. Быстрее будет пройти на север, обойти северо-восточный пик, а там, на склоне, есть подъём на тропку, выходящую на плато, на которое завтра выйдут Энормис и Кир. Ты не заблудишься. И, кстати, не надо ничего говорить моему «братцу». А то он может тебя не так понять, – человек озорно подмигнул.

– Кто ты все-таки такой?

Незнакомец к тому времени уже повернулся, чтобы уйти, но вопрос заставил его замереть на месте.

– Не надо, Рэн, – попросил он, глянув через плечо. – Не надо.

И человек шагнул в вязкую преграду, а пуэри уже в который раз пролетел насквозь все слои Эфира, очутившись на злосчастной площадке у подножья горы.

* * *

– Как же меня достала эта холодина. Поскорей бы уже спуститься с ледышек на нормальную землю. Чтоб до зимы успеть погреться да пожрать нормальной еды... У меня морда уже тоще эльфьей стала!

– Кир! Не ной.

– Чёртова высота и чёртов разреженный воздух! Я, кажется, воспаление подхватил! Хочется уже подышать, а не одышкой давиться!

– Не ной!

– «Не ной»! Да у меня зад к порткам примёрз ещё три дня тому назад!

– А я говорил тебе не ложиться в той пещере!

– Зато я на ветру нос не морозил!

– Зато я теперь не ною!

Редкие снежинки падали нам под ноги, к своим сёстрам, которые улеглись пушистым слоем в полторы пяди толщиной. Ветерок лишь слегка направлял их полёт, смещая чуть западнее. А затем этот безмятежный покров с хрустом проседал под весом четырёх ног, оставляющих после себя на мягкой поверхности раны-следы.

Кир обернулся, оглядел окрестности, ткнул в горизонт:

– Тот хребет мы прошли позавчера?

– Да.

– А вон тот, получается, последний?

Я сверился с картой.

– Получается, так.

– День пути. Полтора от силы. Эх, скоро погреемся...

– Ещё немного и темнеть начнёт. Надо бы уже начинать готовиться к ночлегу.

– Надо так надо. Чего встал тогда?

Ночевать на заваленном снегом плато – то ещё удовольствие. Сначала приходится расчищать снег. Затем строить из него же стены – и хорошо, если сугроб достаточно твёрдый, чтобы нарезать его блоками. Затем сверху на манер тента натягивается ткань, под углом к земле, чтобы не продавило снегопадом. Стены должны быть достаточно высокими, чтобы костёр, который разжигается внутри, не прожёт крышу, и достаточно прочными, чтобы выдержать ветер. Не будь у меня Дара, нам пришлось бы очень туго.

В тот день ветра не было. Пока мы возводили временное жилище, редкие снежинки стали не такими уж редкими, а когда я развёл огонь в остатках дров, с неба валило уже по-крупному. Стало тихо, словно белая пелена поглощала не только звуки, но и весь мир. Кир смотрел на громадные белые хлопья, которым больше подходило слово «снежина» или «снежинище», с ненавистью во взгляде.

– Если так пойдёт, к утру снега выпадет ещё на две пяди, – сказал он. – Чем больше тут, тем больше на склонах. Чем больше на слонах, тем раньше закроются перевалы. А там уже так просто не раскопаешь...

– По темноте идти тоже нельзя. Тем более в такой снегопад.

– Да знаю я. Придётся выкладываться днём.

Помолчав, Кир вздохнул и зашёл под тент, к костру. Я сел напротив него, решив ещё раз перечитать дневник Муалима.

Мне стало очень интересно, каким именно образом некромант обустроил своё «неживое» существование. Если отбросить мораль и подоплёку, само его изобретение тянуло на звание гениального. Я не знал подобных примеров и сильно сомневался, что они вообще были. А мне бы такое умение, пожалуй, пригодилось. Именно поэтому я снова и снова возвращался к записям мертвеца в поисках хоть какой-нибудь подсказки.

Но Муалим, похоже, потому и отдал мне дневник, что в нём ничего важного не было. Это очень меня огорчало, но я не сдавался, всерьёз намереваясь зачитать старые страницы до дыр.

– Эн? – позвал гном.

– М? – отозвался я, не отрывая взгляда от неровных строчек.

– Что ты будешь делать, когда найдёшь девчонку?

Я задумался на секунду.

– Там видно будет.

– То есть у тебя нет никакого плана? – удивился Кир.

Каким-то странным был его голос – словно гном надеялся на другой ответ. Я поднял глаза. Он смотрел на меня беспомощным взглядом, который я расценил, как очередную попытку указать мне на мою глупость.

– Есть план больше её не терять.

Копатель промолчал, а я снова погрузился в чтение.

– И ты не знаешь, куда отправишься, – после долгой паузы заключил гном.

– В чём дело, Кир? – не выдержал я. – У тебя опять засвербело? Я же говорил, что не никого заставляю со мной идти!

– Да ни в чём, – насупился копатель. – Забудь.

И тут это случилось.

Под тент влетела призрачная пчела, золотистым росчерком описала два круга над нашими головами, зависла ненадолго и просто растворилась в воздухе, оставив после себя едва заметную, медленно оседающую пыльцу.

Мы с гномом уставились на неё, как на божественное явление.

– Мне не почудилось? – наконец выдавил Кир. – Это же...

– Рэн, – моё лицо расплылось в улыбке. – А что я тебе говорил, борода?

* * *

Ночью меня разбудил низкий нарастающий гул, и совершенно неясно с какой стороны – будто со всех сразу. Поднявшись, я увидел Кира, сидящего в темноте возле входа в наше укрытие, смотрящего на снег, неизменно валящийся с неба тяжёлыми хлопьями.

– Ты чего? – спросил я, продирая глаза.

– Не спится, – копатель даже не повернул головы. – Слышишь?

Шум понемногу стихал.

– Конечно, слышу.

– Это сошла лавина. Молись, чтобы это случилось не на перевале.

* * *

Следующий день прошёл в ожидании. Около трёх часов после полудня закончился снегопад, а ещё через час – о чудо! – выглянуло солнце. Сугробы теперь доходили мне до пояса, а гному – до груди. Поднялся ветерок, заставивший тканевую крышу хлопать незакреплёнными краями. Похолодало.

Только перед самым закатом со стороны северо-восточных пиков появилась фигурка, с трудом продирающаяся сквозь снег. Мы с Киром с нетерпением ждали снаружи.

Он выглядел неважно, был бледен, странно помят, небрит; на шее виднелись следы чьих-то когтей, уже заросшие, но все ещё набухшие кровью. И, тем не менее, подходя ближе, он улыбался нам.

– А я-то и вправду думал, что ты расшибся в лепёшку, парень, – сказал гном, прежде чем заключить Рэна в жёсткие объятия.

– Как ты выжил? – спросил я, когда настала моя очередь похлопать охотника по плечу.

Тот странно посмотрел на меня, задержав взгляд на лице, и его анима на секунду мигнула синим.

– Дайте мне отдышаться, и я всё расскажу.

Немного позже, когда мы вскипятили для него немного воды и укутали в мех, чтобы согреть, он поведал о падении и о том, как ему удалось схорониться в каменной нише. Мы с Киром то и дело удивлённо переглядывались.

– Ну и везунчик! – вставил гном. – Нет, я бы там точно сдох. Но тебе-то как повезло!

– Не уверен, – сказал Рэн задумчиво.

Он отхлебнул кипятка из единственной оставшейся у нас кружки и кашлянул, уставившись на поднимающийся пар. Мы не торопили с рассказом – уже почти стемнело, выдвигаться было поздно.

– Крюк после падения я так и не нашёл, – продолжил пуэри после паузы. – Должно быть, в том же выступе и остался. В общем, больше всего я боялся, что заблужусь. Карта осталась у тебя, у меня не было копии. Пришлось почти сразу использовать поисковое плетение, чтобы держаться направления. К вечеру третьего дня вышел на возвышенность, но был уже далеко к югу от вас. Вернее, я предполагал так. Той же ночью пришлось отбиваться от каких-то зверей, мохнатых, похожих на больших людей. Они напали четвером, да так неожиданно, что я едва успел отскочить. Вот, наградили, – он указал на шею. – Но больше они меня догнать не смогли.

– Мы тут беспокоились, что он убится, бедолага, а у него там оказывается лучше, чем у нас было! – воскликнул Кир, впрочем, без зависти.

– Не знаю, как было у вас, но я особо не напрягался. Идти, правда, пришлось больше и быстрее. Поэтому дрова я выбросил, не ругайтесь. Мясо почти всё сохранил.

– Это ты молодец, – кивнул гном.

– Ещё день я плутал по горам, пытаюсь определить, как попасть обратно на нашу тропу. Ничего не получалось. К вечеру решил идти строго на запад в надежде хотя бы не отстать. Шёл и днём, и ночью. Утром оказалось, что тропа, по которой я шёл, забрала к северу. Ну, думаю, теперь правильно пойду. Но тропа сначала ухнула вниз, а потом пошла по ущелью на восток. Пришлось вернуться, искать ещё пути. В одном месте мне удалось залезть на возвышенность, с которой я перепрыгнул на другую... Поскакал, в общем, пару часов, нашёл ещё тропу. По ней шёл до ночи и снова запустил заклятье. Тогда вас и отыскал.

– ... и меня чуть кондрашка нехватила из-за этого, – пробурчал Кир.

Я засмеялся и глянул на Рэна: тот даже не улыбнулся. Он всё ещё смотрел на пар, выходящий из кружки.

– Какой-то ты не радостный, – заметил я.

Пуэри встрепенулся, словно очнувшись, бегло посмотрел на меня и отмахнулся:

– Посмотрю на тебя после недельного марш-броска, – он одним махом осушил остывшую воду и начал уstraиваться на своём плаще. – Надо поспать. А то за всю неделю и десяти часов не поспал...

Рэн лёг, как всегда, в позе эмбриона, но на этот раз спиной к нам. Его ответ показался мне грубым – и я не обратил бы на это внимания, если бы говорил с Киром. Рэн же всегда был очень тактичным и внимательным, он никогда не огрызался и не хамил. А тут его словно... подменили.

Я посмотрел на Кира в надежде, что он тоже заметил странность в поведении пуэри, но тот уже тоже укладывался носом к стенке – словно так и надо. И плевать, что он продрях почти до полудня, а стемнело каких-то полчаса назад.

Всё это было настолько странно, что я насторожился. Происходило что-то неладное, но я не мог понять, где именно зарыта собака. Одно я знал точно: без причины никто так не меняется в одночасье.

Но добиваться от друзей правды означало сделать ситуацию совсем неуправляемой. Поэтому я промолчал и, снова открыв дневник некроманта, тоже лёг.

Спиной к остальным.

* * *

– Едрическая сила! – сплюнул Кир, глядя на заваленную снегом расщелину.

У меня просилось словцо покрепче, но я смолчал. Рэн только горестно вздохнул.

Ночью мы ещё несколько раз слышали отдалённый гул сходящей лавины, но он шёл с другой стороны, так что лично я изо всех сил надеялся, что нужный перевал ещё открыт.

Надежды рухнули, едва показалась вторая гора перевала. Мы поняли, что опоздали, но всё же приблизились на максимально возможное расстояние. Пока высота сугробов позволяла гному видеть горы.

Я мысленно прикинул, сколько времени у нас займёт путешествие к соседнему перевалу. Судя по карте, он находился в тридцати вёрстах к северу. В условиях поиска дороги под толстыми сугробами, у нас ушло бы от пяти дней до пары недель.

Не вариант.

– Что будем делать? – озвучил общий вопрос пуэри.

Я в ответ только устало фыркнул, гном вообще никак не прореагировал. Повисло мрачное молчание.

– Может, это не тот перевал? – с надеждой спросил Кир.

Не знаю, на какой ответ он надеялся. Этого, наверное, он и сам не знал.

– Раз предложений нет, предложу первым, – сказал охотник, игнорируя вопрос гнома. – Попробуем пробраться через снег.

Кир посмотрел на пуэри, как на безнадёжного осла, и молча отвернулся. Поэтому обязанность срезать эту идею взял на себя я.

– Там не пройти, не используя магию. А если её использовать, то на протяжении всего пути. Это долго, даже мне сил не хватит. Кроме того, нас может завалить ещё одной лавиной.

– Но у нас ведь есть виртулиты. Если то, что ты рассказал о них, правда, то они сильно упростят нам путь. Сколько надо пройти под снегом? Лигу? Две? Думаю, не больше. Снег успел уплотниться, поэтому если мы проплавим небольшой тоннель, свод не должен обвалиться. Но на всякий случай стоит его закреплять. Если покажешь, как, это могу делать я, с помощью синего виртулита. Ну так как?

Мы с Киром переглянулись. Гном явно не доверял плану, но не имел вменяемых альтернатив, поэтому ждал моего слова. Я в свою очередь видел ряд загвоздок. Первая из них – мне не доводилось пользоваться виртулитами, все мои знания о них ограничивались сугубо теорией. Вторая – Рэн не только не пользовался виртулитами, но и не знал нужных заклинаний. Чтобы разобраться самому и научить Рэна, требовалось время.

Но время у нас теперь как раз было.

– Не всё так просто, как ты говоришь, – сказал я. – Но можно попробовать. Всё равно других вариантов нет.

– Разберёмся, – махнул рукой пуэри, извлекая на свет виртулиты. – Так как, говоришь, надо воздействовать на камень?

* * *

Как я и предполагал, на деле всё вышло куда сложнее, чем на словах. Однако, как и сказал Рэн, мы всё же разобрались.

Пару часов мне потребовалось, чтобы разобраться с преломлением энергии в виртулитах. Поначалу я взял в руки синий камень и после первого же плетения чуть не отморозил себе пальцы. Потом я догадался закрепить драгоценность на деревяшке, и дело пошло в гору. Энергия прекрасно преломлялась и фокусировалась, я вливал в камень совсем немного сил, а на выходе получал усиленное в несколько раз заклинание. Экономия и впрямь оказалась весьма ощутимой.

Разобравшись с виртулитами, я взялся за обучение Рэна. До глубокой темноты мы с ним отрабатывали одно и то же заклинание, пока я не удостоверился, что пуэри может воссоздавать плетение мгновенно с нужной точностью. Оказалось, азами магии Рэн владел вполне неплохо, так что мне оставалось только вложить в его голову нужные формулы и энергетические узоры. Он освоил замораживающее заклятие за несколько часов – куда быстрее, чем я в своё время. И всё же от меня не укрылось, что охотник не очень-то любит прибегать к магии. Он точно мог бы быть чародеем, и не таким уж слабым, но отчего-то не хотел.

Видимо, у него были на то причины.

– Годится, – сказал я, когда Рэн наморозил очередную пробную колонну.

Гном подошёл к ледышке, стукнул по ней пару раз топориком, хмыкнул. Судя по всему, он тоже остался доволен.

Пуэри подкинул виртулит в руке и посмотрел на небо, усеянное звёздами.

– Предлагаю отдохнуть и выдвигаться. Всё равно под снегом не будет дневного света.

– Поддерживаю, – кивнул я. – Восстанавливай силы и пойдём. Они тебе понадобятся все без остатка.

Кир посмотрел на нас обоих, явно желая возмутиться, но вовремя понял, что он всё равно уже в меньшинстве.

– Давайте поедим перед этим, что ли, – пробормотал он. – Раз уж вы всё решили.

Мы сели в круг на расчищенной от снега площадке. Костёр в этот раз был полностью магический – дров не осталось. Я тратил силы, но иначе нам пришлось бы грызть замёрзшее мясо. Радовало лишь, что благодаря красному виртулиту я тратил их меньше обычного.

Мои спутники всё ещё вели себя странно – отрешённо и довольно-таки уныло. Пока готовилась похлёбка, никто и слова не сказал. Словно воды в рот набрали. Я всё ждал, пока кто-нибудь заговорит, но не дождался. Пришлось самому заводить беседу.

– Рэн, а почему ты перестал заниматься магией?

Пуэри поморщился и нехотя ответил:

– Это не моя стихия.

– Судя по тому, как быстро ты разучил заклинание, ещё как твоя.

– Если я к чему-то способен, это ещё не значит, что у меня к этому душа лежит.

Охотник явно не хотел говорить на эту тему, но я решил не отступать и посмотреть, что будет.

– Верно, – я невозмутимо помешивал варево в котелке. – Потому-то я и спрашиваю. Твоя вторая половина, если можно так сказать, живёт в Эфире. Магия в самой твоей природе. А ты не хочешь её изучать?

– Я знаю достаточно, – отрезал пуэри.

Кир переводил настороженный взгляд с меня на охотника и обратно.

– Недостаточно, чтобы уберечься от падения со скалы, – уронил я. – Мы думали, ты погиб в том ущелье.

Рэн посмотрел на меня так колюче, что я подумал – вот оно! Сейчас он сорвётся и выдаст себя, и станет наконец понятно, почему он так странно себя ведёт.

Но я ошибся. Пуэри прикрыл глаза, глубоко вздохнул, а потом ответил – совершенно спокойно и даже дружелюбно:

– Я не люблю прибегать к магии, потому что считаю её отклонением от естественного порядка. Любое заклинание, сплетённое чародеем – это... – Рэн замаялся, подбирая слова, – использование энергии мира не по прямому назначению. Она здесь не для нас, эта энергия. Мы просто берём её взаймы, тем самым выбивая потоки из равновесия. Это не приводит ни к чему хорошему. Я ответил на твой вопрос?

– Да. Но насчёт дестабилизации потоков не совсем согласен. Даже самый сильный чародей не сможет всерьёз пошатнуть энергетическую систему мира. Даже сотня самых сильных

чародеев не смогут. Я бы не стал из-за этого лишать себя преимуществ, которые дарует владение магией.

– Ты бы не стал, – пожал плечами пуэри, – а я стал.

Я задумчиво поковырял ложкой плавающий в бульоне кусок мяса. Ужин был уже почти готов.

– И ты будешь делать так даже ценой своей жизни? Или наших с Киром?

Пуэри снова вздохнул.

– Нет, я буду использовать все доступные ресурсы, чтобы никто не пострадал. Но... дай и мне ложку. Если я поем, силы восстановятся быстрее. Спасибо... Так вот, я, конечно, не буду впадать в крайности. Но я так же помню, что среди пуэри тоже были чародеи. Очень сильные, очень умелые. И вся их магия ничуть не помогла спасти мою расу от истребления.

Кир прихлебнул из ложки и поперхнулся. Какое-то время тишину нарушал только его кашель. Когда гном прочистил горло и вернулся к еде, я сказал, словно в пустоту, даже не глядя на Рэна:

– Зато они спасли тебя.

Охотник только хмыкнул. Над стоянкой снова воцарилось молчание.

Небо над нами искрилось звёздами, такими близкими, что казалось – крикни, и они, не удержавшись, осыплются на землю. Нир среди них смотрелся гигантом; он неспешно и самоуверенно шествовал по небосклону, словно пастух, ведущий отару. В его голубоватом свете всё казалось обледеневшим: и снег, и горы, и сам морозный воздух будто наполнился холодным сиянием далёкой планеты. Только наш тусклый костёр привносил немного тепла в эту совершенную безжизненную картину.

Мне тоже не терпелось покинуть Тингар. Я слишком устал от них, сначала блуждая по подземельям, потом наоборот, по поверхности. Раньше мне не доводилось скучать по ландшафту, но теперь душа просила плоских, как стол, равнин и полей, густых лиственных лесов и тёплых ночей. Ещё я вспомнил Квисленд – и тоска, уже давно утихшая, снова защемила где-то под рёбрами. Я вдруг осознал, что как бы я ни старался, куда бы ни шёл, но так хорошо, как там, мне уже нигде не будет. Может, будет хорошо иначе, но не так.

Банально, но – правда. Ничто не будет как раньше.

– Ну что, начнём? – подал голос пуэри, когда даже мне стало очевидно, что все мы просто сидим и тянем время. Затея всё же была рискованной.

– Да, поехали уже, – пробормотал гном, поднимаясь. – Как говаривают у нас под Небесным Пиком, раньше встал – не зря устал.

Прежде чем начать, пришлось расчищать снег, и немало. Мы закопались так, что сугроб возвышался даже надо мной, и только тогда он стал достаточно плотным, чтобы не осыпаться нам на головы.

Держа деревяшку с закреплённым на ней красным виртулитом на манер жезла, я направил поток энергии через камень. Тот зажегся, как маленькая звезда, и почти сразу снег напротив нас начал таять. Я старался направлять тепло так, чтобы выплавить круглый тоннель высотой в два аршина – тесновато, но слишком высокий проход мог сразу же обрушиться.

– Работает хреновина, – кашлянул сзади гном. – Добавь-ка жару, дружище, а то мы так до весны будем пробираться.

Я усилил подпитку заклинания. Камень полыхнул ещё ярче, озаряя всё вокруг мягким оранжевым светом. Тоннель теперь углублялся в разы быстрее; снег пока держался, но Рэн всё же начал укреплять стены и потолок льдом. Понизу побежала вода.

– Святые черти, теперь ноги ещё больше промокнул, – проворчал Кир, но на него никто не обратил внимания.

Убедившись, что потолок держится, мы шагнули в арку тоннеля. Кир сразу же сосредоточенно засопел. Я немного завидовал ему – он один помещался в проходе в полный рост. У меня ноги от ползания на корточках загудели довольно быстро.

Так мы продвигались около полутора часов. Сначала у меня не получалось делать тоннель ровным – то ширина стен гуляла, то направление – но в итоге я приноровился. Мы прошли не так уж много, но достаточно, чтобы оказаться в крошечной темноте, разгоняемой лишь двумя светящимися виртулитами. Обувь и впрямь быстро промокла – вода стекала по склону прямо нам под ноги. Пару раз на пути нам попадались преграды в виде скрытых под снегом глыб камня, и приходилось их обходить. Хорошо, что с нами был гном – без него я бы быстро потерял правильное направление.

– Стой, – скомандовал я, когда не осталось сил терпеть ломоту в ногах. – Надо передохнуть.

– Что, не хватает силёнок? – спросил гном, сбрасывая с плеч мешок.

Рэн быстро наморазивал над нашими головами купол, подперев его четырьмя колоннами.

– Пока хватает. Но если я буду выжимать из себя всё до капли, восстанавливать силы придётся дольше.

– Так-то оно так, – протянул копатель. – Но нам бы проскочить побыстрее. Чтобы, знаешь, не помереть под обвалом.

– Прижми задницу уже, – отмахнулся я и зажёл люмик. – Я знаю, что делаю.

В тоннеле оказалось намного теплее, чем на поверхности – воздух нагревался от моего заклинания, а покрытый ледяной коркой снег не давал теплу уходить. Правда, от этого же становилось душновато.

Я оглянулся, прикидывая, сколько мы прошли. Выходило, что чуть больше версты. Неплохо, конечно, но кто знает, сколько ещё идти? Силы-то не бесконечные...

– Рэн, у тебя как с силами?

– Хватает пока. Я придумал как экономить.

Я покивал, глядя на его работу. Действительно, он не промораживал всю поверхность «стен» и «потолка», а лишь создавал ледяные арки, соединяя их между собой перемычками. Экономично и эффективно.

На отдых ушло около двух часов. Чтобы восстановиться быстрее, я попытался медитировать, но ничего не вышло. Медитировать в духоте и темноте, когда ноги насквозь промокли, оказалось мне не по силам. Это бесило. Почему? Потому что гном был прав. Каждая секунда – точно монетка, утекающая в карман смерти. Нужно успеть как можно больше, пока эта шулерша не обобрала нас до нитки.

Поэтому я не стал дожидаться, пока силы восстановятся полностью, а поднял остальных и продолжил прокладывать путь наружу.

Во второй заход я плюнул на всё и начал передвигаться на четвереньках. Промочил не только сапоги, но и штаны, зато стало удобнее. Дважды мы упирались в скалу. Один раз спустились в яму, из которой потом еле выбрались. Но свод тоннеля, к счастью, не рухнул ни разу.

На следующем привале мои спутники легли спать, а мне всё же удалось погрузиться в медитацию – у меня и выхода особого не было, силы-то почти кончились. На краю сознания крутилась смутная мысль, непонятная, тревожная: из-за неё я никак не мог до конца расслабиться. Казалось, это холод уже проник в самую мою голову и парализовал там каждый нерв.

Но оказалось, что лучше так, чем совсем без медитации.

* * *

– Эн! Эн, твою мать! Очнись! – шёпотом вопил Кир, тормоша меня за плечо.

Я никак не мог понять, чего же он от меня хочет, ведь я просил не беспокоить.

– М?

– Да выйди ты из своего транса и послушай, чёрт тебя дерит! Слышишь?!

Пришлось прислушаться, хотя такой уж необходимости в этом не было. Вибрация от приглушённого низкого гула ощущалась кожей.

Остатки спокойствия и безмятежности слетели с меня в один миг.

Рэн уже замораживал весь снег, до которого мог дотянуться. Я вскочил и принялся ему помогать, совершенно забыв, что так резко после медитации нагружаться нельзя.

– Да остановитесь вы! Нас же раздавит этими ледышками! – так же шёпотом прокричал гном.

Его глаза были круглее, чем у совы.

Дрожь земли усилилась.

– Прямо на нас катится, – скрипнул зубами копатель.

Мы с Рэном испуганно переглянулись. Гул перерастал в грохот.

– Что будем делать? – подал голос пуэри.

– Молиться!

Рука гнома судорожно стискивала рукоять топорика. Вряд ли он осознавал, что делает. Все трое напряжённо смотрели на потолок тоннеля.

– Сколько над нами снега?

– Сажени две, не меньше. И сейчас ещё прибавится!

Грохотало всё громче. Мы ждали удара, но не знали, чего от него ждать. Поэтому, когда лавина всё-таки обрушилась на толщу снега, мы сначала дружно припали к земле, а потом уже поняли, что свод выдержал. Ледяная корка только покрылась паутиной трещинок, которая, впрочем, разрасталась.

– Если обвалится... – начал гном, но громкий хруст прервал его; это под снег ушла та секция тоннеля, из которой мы пришли и больше не укрепляли.

Мы с Рэном снова бросились укреплять стены и потолок, жертвуя при этом свободным пространством, которого осталось не так уж много. Воздух с поверхности больше не поступал. Грохот стихал, словно отдаляясь, продолжал трещать лёд, а я подумал: ну сколько ещё? Сколько раз я ещё попаду в такую западню? Мои игры со смертью слишком уж затянулись. Всё выживаю и выживаю, а не живу. Это уже какая-то рутина, а не выживание...

Заклинание, которое я пропускал через сапфировый виртулит, вдруг сорвалось. Я просто выдохся – напроць, досуха. Если сразу после медитации начать расходовать энергию, она закончится намного быстрее, чем обычно, а я так увлёкся выживанием, что забыл об этом. Продолжать означало убить себя.

Тогда я почти ползком метнулся к завалу, который перекрыл нам путь назад. Осмотрел, ощупал – не пробиться.

Рэн ещё какое-то время укреплял стены и тоже иссяк. Мы остались в ледяной тюрьме, в тоннеле длиной в шесть сажений, без магии и, соответственно, без света. Оставалось только слушать, как стихает вдали шум лавины.

И снова пришла мысль: как же надоело. Всё время изо всех сил, всё время где-то между жизнью и смертью. Неужели я больше ни на что не годен? Разве нет во всём этом огромном мире тихого уголка для меня, где не придётся рвать жилы, чтобы протянуть ещё денёк? Наверное, стоит поискать. Только найду Лину. Только выберусь сначала из этой снежной могилы...

– Всё, закончилось, – прохрипел гном. – Не сидите как два болвана! Если не хотите задохнуться, пробивайте путь наверх. Воздуха у нас на пару часов, не больше.

Никто и не пошевелился.

– Это единственный выход, – согласился я, обдумав его предложение. – Я выжат. Сейчас только дыхание переведу...

– Если пробьём лёд, может быть обвал, – возразил Рэн.

– Ты глухой, что ли? – вздохнул Кир. – У нас воздуха нет!

Он поднялся и прошаркал куда-то в сторону. Несколько секунд мы слышали его сопение, а потом раздалось осторожное постукивание по льду.

– Долби под углом к поверхности, – посоветовал пуэри.

– Слушай, гениальный старатель, – ехидно отозвался Кир, – не мог бы ты свет своей мудрости превратить в свет более прозаичный? Если бы я хоть шиш видел, смог бы последовать твоему совету!

– Не могу, – понуро ответил охотник. – Могу только искры высекать. Огнём.

– Хоть что-то, – вздохнул гном. – Давай, ползи сюда.

Рэн переместился поближе к Киру и для пробы пару раз ударил кресалам о камень.

– Ни черта не видно, – резюмировал гном.

– Нужно разжечь огонь. А у нас ни трута, ни дров.

– К тому же с огнём воздух выгорит быстрее. Если не успеем – задохнёмся.

– Короче, теоретики! Я рублю или нет?

Повисла тишина. Никто не хотел полагаться на удачу – слишком уж она была переменчива с нами. В итоге заговорил Рэн:

– У нас есть жезл и деревянная посуда. В качестве трута я могу использовать мех с плаща. У нас будет немного света, но прорубаться придётся быстро.

Ледяная тюрьма снова заполнилась молчанием.

– Давайте уже попытаемся, – сказал Кир. – Всё равно времени у нас нет.

Пуэри достал деревянные ложки и отобрал у меня импровизированный жезл, с которого я снял виртулит. Пока он маялся с огнём, я подполз поближе, приготовившись выгребать руками снег. О том, что этот снег может просто не поместиться в нашем ледяном карцере, я старался не думать.

Едва на конце иссохшей деревяшки затеплился огонёк, Кир спросил нас:

– Готовы? – и, дождавшись решительных кивков, с размаху всадил топор в лёд.

* * *

– У-у-ух, ну и приключеньице! – выдохнул гном, едва вытянул Рэна из сугроба.

Мы втроём ничком лежали на недавно сошедшей лавине и радовались солнцу, встающему где-то за восточными пиками. Никого даже не беспокоил холод и промокшая одежда, потому что даже отсюда вдали виднелась погружённая в утреннюю мглу равнина. Всех нас интересовала только она.

– Это Куивиен? – спросил я непонятно зачем. Эта равнина просто не могла быть ничем иным.

Рэн тяжело дышал – он дольше всех пробыл под снегом, когда сугроб всё-таки обрушился на нас в самом конце. Кир оглядел цепь гор, с которых мы уже начали спускаться, идя под снегом.

– Да. Если точнее – Чёрные Топи. Некромант был прав.

– Надеюсь, не во всём, – пробормотал пуэри, но мне было так лень думать, что я даже не обратил на него внимания.

– Сначала были горы, – вздохнул я, – теперь болота.

– А обойти их нельзя?

– Не один месяц будем обходить, – проворчал Кир. – Хотя и по ним идти, не зная троп, тоже так себе затея.

– С этим как раз я могу помочь, – сказал Рэн.

Мы с Киром синхронно посмотрели на него.

– Изучал выживание в разных местностях, – пояснил охотник. – Как раз вместо уроков по чародейскому ремеслу. Хотя в мои времена здесь никаких болот не было, я умею находить дорогу в топях.

– Вот и славно, – пробубнил гном и откинулся на спину, закрыв глаза.

Я вглядывался в горизонт и думал: Лина ведь сейчас где-то там. Если отбросить мои предположения, основанные на сплошных догадках, она может быть где угодно. И всё же меня так и тянуло вперёд, словно магнитом. Как будто часть меня точно знала, куда идти.

Она тянула меня всё дальше и дальше, через болота, через расстояния и само время, к моменту, в котором... С этим я пока не до конца разобрался. Только чувствовал, что должен двигаться, и тогда обязательно к чему-нибудь приду. Это чувство было новым, но приятным. Словно у меня появилась цель – далёкая и неопределённая, но с ней переносить бесконечное выживание стало легче.

И хорошо. Потому что там, под лавиной, мне уже начинало казаться, что силы мои на исходе.

Глава XIII. Бесконечная агония

Гэтсон Бардо сидел в приёмной архимага и обильно потел. Он то и дело косился на дверь, в которую ему предстояло войти, и руки его сами собой крепче стискивали посох. Отполированное дерево уже скользило от влаги, так что Волшебник, сам того не замечая, вытирал ладони о парадный красный балахон.

С самого утра он не находил себе места. Его бесило всё: недостаточно расторопный служка, слишком тёплое вино за обедом, узоры на драпировках в приёмной и вот эта секретарша, которая бесконечно полирует ногти, с утра до вечера, изо дня в день – ими уже можно бумагу резать, наверное! Девушка не обращала на Гэтсона ровным счётом никакого внимания, словно того вообще не существовало. Действительно, чего ей волноваться, она ведь сидит по ту сторону стола...

Бардо многое бы отдал, чтобы не встречаться с её начальством. В прошлый раз, примерно полгода назад, архимаг прилюдно сломал ноги двум чародеям, завалившим важные переговоры. Ещё рассказывали, что он запустил огнешаром в магичку, которая перебила его в разговоре. Еле выжила бедняжка. А уж про то, как нынешний глава Меритари разбирался с бунтовщиками, и вспоминать страшно. Вот уж кому не стоит на зуб попадать...

Но вот ведь беда – по архимагу невозможно было определить, когда у него плохое настроение. Он даже наказывал с совершенно невозмутимым лицом.

Гэтсона вызвали на ковёр, и он знал за что. Чего он не знал, так это как архимаг отреагирует на его отчёт. Выйдет ли Бардо из этой двери, или его вынесут? Неопределённость буквально сводила чародея с ума.

Секретарша вдруг подняла голову, внимая беззвучному приказу, и тут же пропела нежным голоском:

– Гэтсон Бардо! Господин Фельедер ждёт вас!

От такой нежности желудок Волшебника подкатил к горлу. Отчаянно пытаясь унять дрожь в руках, Бардо поднялся и направился к двери. Прежде чем повернуть ручку, он на всякий случай помянул всех богов, которых знал, и попросил ниспослать ему удачи. Или хотя бы сил пережить этот день.

Архимаг стоял к нему спиной и смотрел в окно. В кабинете царил полумрак; из-за тёмного дерева мебели и чёрных стен комната казалась ещё мрачнее, несмотря даже на яркие осветительные искры, дрейфующие под потолком.

Он так и не занял кабинет предыдущего архимага, подумал Гэтсон. Остался в своём. Зато полностью поменял планировку этажа, сделав из старого кабинета свою приёмную. А ведь Литесса была его наставницей...

– Пока меня не было, вы умудрились пустить все дела на самотёк, – сказал архимаг, ни к кому конкретно не обращаясь. – Неужели нужно постоянно прибегать к насилию, чтобы чародеи ордена сохраняли стимул думать и шевелиться?

У него был глухой сипловатый голос, словно глава красного ордена всё время болел. И говорил он соответствующе: тихо, спокойно, будто бы устало. Многие обманывались этой видимостью спокойствия, но сейчас Гэтсон явственно ощутил, насколько плохи его дела, и судорожно сглотнул.

Ничего хорошего такое вступление не предвещало.

– Я думал, на тебя можно положиться, Гэтсон, ты ведь не задумываясь встал на мою сторону, – Архимаг повернулся к нему лицом и сел в кресло.

Высокий лоб, маленький нос и неровные, невротически искривлённые губы. Тёмные с проседью волосы до плеч. Глубоко посаженные глаза неопределённого цвета. Даже улыбаясь, Вернон Фельедер оставался отталкивающим человеком. А улыбался он крайне редко.

Гэтсон молчал. Ждал разрешения говорить.

– Я слушаю твои объяснения, Бардо, – безразличие в голосе Архимага достигло угрожающих масштабов.

Волшебник вздрогнул. У него, конечно, был заготовлен отчёт, но слова отчего-то застре-вали в горле. Хотелось сразу начать со своих заслуг, но для этого сначала требовалось объяс-нить провал. От страха Гэтсон впал в ступор. Он разевал рот, как рыба, и оставался так же нем.

– Начнём с твоего поручения, – сверкнул глазами верховный маг, теряя терпение. – Повтори формулировку.

– Установить связь с агентом в Тиртене. Собрать информацию о поставщике. Проследить за выполнением сделки.

– А теперь излагай что случилось. Кратко.

Волшебник перевёл дух.

– Я выехал из Башни одиннадцатого апреля...

– Кратко, – оборвал его архимаг.

– ... двадцать девятого мая я прибыл на пограничную заставу на дороге между Катунгом и Тиртеном. Четыре... нет, пять дней ожидал Жеверра, в соответствии с инструкцией. Помимо меня в городке находились ещё три адепта, которых я не знал лично. Второго июня после полудня я вышел на очередную проверку и случайно наткнулся на пару беженцев – женщину и парня, пересекающих заставу. Мне они показались подозрительными. Я на всякий случай осмотрел их через Эфир и опознал в них двух не орденских чародеев. Один был около девятой ступени, вторая около второй. Должно быть, ученица. Слепок ауры чародея совпал со слепком, снятым в Квисленде.

Архимаг прожигал Волшебника взглядом исподлюбья. Этот взгляд мешал думать и заставлял ещё сильнее потеть. Чтобы не сбиться с мысли, Гэтсон докладывал, глядя в окно.

– Я незамедлительно поднял тревогу. Завязалась драка. Я собирался взять их живьём и применил «Огненный Нир», но ренегат... ему удалось каким-то образом связать моё заклина-ние. Я такого прежде не видел. Он не мог больше колдовать, но и мне не давал. Я понадеялся на солдат и остальных меритаритов, но эти кретины... – Гэтсон запнулся. – Ренегат дрался как демон. Он в одиночку уложил десяток солдат. Два адепта погибли, не успев включиться в потасовку. Тупицы...

Архимаг не выдержал и рывком поднялся с кресла.

– Легко называть тупицами мертвецов, – он говорил, словно вколачивал гвозди в гроб Гэтсона. – Это не они упустили ренегатов, Бардо. Ты упустил. Ты единственный был выше ренегата по ступеням. Те паренки в любом случае не справились бы с учеником квислендского изгоя, не тот уровень. Но ты-то Волшебник! У тебя одиннадцатая ступень, Бардо! Так кто из вас тупица?

На секунду лицо Фельедера исказила гримаса злобы, но она тут же исчезла, уступив место обычной холодной невозмутимости. Только взгляд его по-прежнему обжигал.

– Не люблю неудачников, – архимаг вздохнул. – Говори, Бардо. Говори, а то мне начинает казаться, что я в тебе ошибся. Пока что от тебя больше вреда, чем пользы.

После этих слов Гэтсон понял, что хуже уже всё равно не будет, и выпалил:

– Я попытался задержать его магией крови. Но в ответ он применил её же. Судя по всему, этот отступник – опытный некромант, потому что его заклинание получило очень мощную подпитку. Настолько сильную, что на какой-то миг его сила превысила мою.

Выговорив это, Гэтсон даже прикрыл глаза. Магия крови лежала под одним из запретов, за нарушение которых даже не судили толком. При достаточных доказательствах сразу отправ-ляли на костёр.

Однако архимаг медлил с ответом, словно задумавшись.

– Любопытно, – наконец сказал он. – Где оставшийся в живых адепт?

– Простите?

– Ты говорил о трёх адептах. Двое убиты, где третий?

– Он не участвовал в схватке и во всей этой суматохе вовсе пропал. Больше его никто не видел.

– Найти, – бросил верховный маг. – Если я буду доступен, приведёте ко мне. Если нет – допросить и сжечь. Есть ещё что сказать?

От волнения Волшебник забылся и затараторил:

– Мы выслали погоню сразу же, как справились с огнём. Их следы пропали на тракте. Следующим утром прибыл Жеверр. Я передал ему все необходимые полномочия и снабдил деталями миссии, а сам бросился на поиски сбежавшего ренегата. Я привлекал все доступные силы...

– Иными словами ты отправил Жеверра выполнять *своё* поручение, а сам, в поисках славы и вознаграждения, сломя голову помчался за учеником квислендского изгоя. Как там его, Энормис? Ты понимаешь, что это двойной провал, Бардо?

Волшебник понял, что висит на волоске, а потому торопился рассказать историю до конца.

– Несколько дней не было никаких подвижек, но вскоре я наткнулся на этого парня, Мацхи. Адепт-новичок, сидел на посту у врат Кантахара. Его почти полностью лишили Дара. Остались жалкие крохи. Однако я сумел нащупать след, который соединял Мацхи с тем, кто его чуть не очистил. След был слабый, в Эфире его не найти, если не искать специально...

– Я понял, не хвались. Ты сумел взять эфирный след. Это и вправду впечатляет, но пока недостаточно, чтобы тебя реабилитировать.

– След привёл нас сначала в Кантахар, а потом и к Небесному Пику. Наш соглядатай сообщил, что странная парочка людей наняла известного копателя, Кира Рыжего, и ушла на Глубины. Это точно были наши ренегаты. Никто не знает, зачем им это понадобилось.

– И туда-то ты решил не лезть, – архимаг снова опустился в кресло. – Трезвое решение. Дальше.

– Вы как всегда правы, господин. Я решил подождать и взять их тёпленькими, когда вернутся. Мы ждали больше месяца. Потом след показал, что они возвращаются, но уже другим путём. Девятого августа мы взяли их на поверхности и отправили в Башню. Ни Энормиса, ни гнома с ними не было. Судя по тому, что нам удалось узнать у одной из пленниц, они разделились, и совершенно неясно, где ренегат может быть. Возможно, мёртв.

– Секретность соблюдена?

– Да, господин, – поспешно кивнул Волшебник. – Все свидетели устранены. Среди пленных...

– Я знаю, Бардо, мне уже доложили. Чуть позже я сам наведу к ним в каземат, – архимаг потёр лоб. – Что ж, тебе повезло, что Жеверр справился с твоим поручением, и Орден получил всё, что требовалось. И всё же я разочарован. Твои амбиции тебя погубят, так и знай. Мой тебе совет – впредь следуй инструкциям более чётко. Потому что если ты ещё раз так облажаешься, я спущу с тебя шкуру. Буквально. А теперь пошёл вон.

Гэтсон, не веря своему счастью, тут же шагнул к выходу. Уже стоя в проёме, он вспомнил о правилах приличия, повернулся и дёргано поклонился. Дверь закрылась за Волшебником с тихим щелчком.

Архимаг устало вздохнул ему вслед и прикрыл глаза.

«Этот лизоблюд никогда не достигнет высот, – подумал Вернон. – У него отсутствует хребет. Всё, на что его хватит – быть преданным псом с цепкой пастью».

Конечно, ученик Дисса не по зубам таким, как Бардо. Это точно он, больше некому. Только со знаниями легендарного квислендского изгоя можно провернуть фокус с блокировкой заклятия. А то, что этому Энормису удалось с помощью магии крови порвать связки мно-

гократно сильнейшего плетения, говорит вовсе не о таланте некроманта. Это говорит о том, что у него очень сильная кровь. Ох, неспроста это всё...

– Вернон.

В распахнувшихся глазах архимага на мгновение полыхнула злость – кто посмел так нагло вторгаться в его кабинет? Но при виде гостя взгляд Вернона снова потух. То есть стал цепким и колючим, как всегда.

Возле одного из стеллажей стоял человек в тёмно-серой рубаше, того же цвета штанах и мягких остроносых туфлях, которых просто не носили в Нирионе. Одежда сидела на госте как влитая, странным образом подчёркивая его заурядную внешность: средний рост, короткие светлые волосы и незапоминающееся, будто затёртое лицо. Мимо него было бы очень легко пройти, не заметив, на улице – если бы он ходил по улице.

Гость, засунув руки в карманы, оглядывал кабинет Вернона. Он держался свободно, но не по-хозяйски, отстранённо, но не задумчиво. Это было обычное его состояние. Архимагу он вообще иногда напоминал каменную статую.

– Удачная цветовая схема, – наконец сказал гость. – Вполне в твоём духе.

О безразличие этого голоса можно было уши отморозить.

– Очень ценю твоё одобрение, – процедил архимаг.

Гость повернулся к нему лицом, и глава Меритари непроизвольно вздрогнул. Должен был уже привыкнуть к этому взгляду, но всё равно, каждый раз как в первый раз...

– Огрызаться – так весело, – сказал пришелец. – Продолжай.

В глазах *этого человека* не было зрачков, только белые радужки с чёрными прожилками. Их взгляд всегда был пустым – не то как у слепца, не то как у пресловутой статуи. Сперва архимагу казалось, что это не глаза даже, а подделка, как полированные мраморные шарики, которые вставляют в пустые глазницы ослеплённых. Но потом он однажды увидел, как эти буркалы наливаются кровью. Жуткое зрелище. Отвратительное. Даже для Вернона.

Именно поэтому архимаг послушно замолчал. Он боялся, и несколько себя в этом не упрекал. Людей с *такими* глазами можно и нужно бояться. Это правильно и хорошо для здоровья. И дело, конечно, вовсе не в цвете.

– Я дал тебе власть над Орденом не из щедрости, – сказал после паузы гость. – Это не подарок. Это заём, который ты должен отработать. Когда-нибудь ты, возможно, сможешь говорить со мной на равных, если выслужишься перед хозяином. Когда-нибудь очень нескоро. А сейчас ты всего лишь инструмент, Вернон. Знай своё место.

– Я – полезный инструмент, – архимаг криво улыбнулся. – Ты сам это говорил.

Пришелец пожал плечами.

– Так я же сказал – продолжай. Посмотрим, чем это закончится.

Архимаг поджал губы.

– Так я и думал, – хмыкнул гость. – Вообще-то я здесь по делу. Поэтому если ты закончил кривляться, давай поговорим о по-настоящему важном.

– О чём например?

В кабинете воцарилось молчание. Пришелец стоял лицом к окну, заложив руки за спину, и смотрел, как всегда, в пустоту. Он будто бы не услышал вопрос Вернона, но и сам не продолжал разговор. Словно на какое-то время *этого человека* не стало в комнате – даром, что тело его осталось здесь. Архимага эта привычка всегда доводила до белого каления, но нарушать раздумья пришельца он не смел.

– Слышал, наша милая Леди объявилась, – изрёк гость, вдоволь намолчавшись.

Вернон презрительно усмехнулся.

– Да. Она в моём каземате.

– Я подозревал, что она не погибла при нашей прошлой встрече. У таких старых ведьм, как она, всегда есть план отхода.

- Ничего. У меня есть пара мыслей на её счёт.
- Убьёшь?
- Для начала постараюсь извлечь пользу из живой.
- Гость посмотрел на архимага – как на стеклянного.
- Убей её, Вернон. Она – враг. Мне она не угрожает, но тебя она в порошок сотрёт. Не будь дураком.
- Ты преувеличиваешь.
- Нет, не преувеличиваю. Не забывай, она сильнее тебя. Не совершай ошибку, не недооценивай женщину в гневе.
- Сначала она кое-что мне расскажет, – упрямо ответил архимаг. – Ты знаешь, что я умею держать ситуацию под контролем.
- Пришелец помолчал.
- До сей поры ты неплохо себя показывал, – согласился он. – Но если ты потеряешь контроль, я не приду тебе на помощь. Так и знай, – он снова отвернулся к окну. – Как продвигается поиск эссенций?
- Продвигается. Скоро добуду третью.
- Посвящал в кого-нибудь в наше дело?
- Нет. Не было необходимости. Даже совет Ордена не в курсе.
- Хорошо. Чем меньше трупов, тем проще сохранить нашу миссию в секрете. Я так понимаю, новая эссенция тоже уже извлечена?
- Да.
- Если найдёшь протоэлементалю, дай знать. Всё равно самому тебе с ним не справиться.
- Пришелец подумал и добавил:
- Всеми твоему Ордену не справиться.
- Всенепременно, – отозвался Вернон через паузу.
- Этот человек* неспешно прошествовал к двери, но вдруг остановился, а ещё через мгновение он уже снова стоял лицом к лицу с Верноном – просто исчез в одном месте и возник в другом. Архимаг, с трудом сдержав проклятие, невольно вжался в кресло.
- Ты меня своими мгновенными перемещениями в заик превратишь, – прошипел он.
- Слышал, твои псы столкнулись с учеником Дисса, – игнорируя реплику Вернона, сказал пришелец.
- Да, почти наверняка это был он.
- Стало быть, ему удалось уцелеть при уничтожении Квисленда?
- Скорее всего, его не было тогда в замке.
- Это плохо. Он может стать неприятной помехой.
- Каким образом? – архимаг изобразил удивление.
- Окажется не в то время и не в том месте, например, – в ледяной тон гостя примешалась толика ехидства. – Это не мои перспективы зависят от успеха нашей миссии, а твои. На твоём месте я бы постарался исключить малейший риск неудачи. Найди его. Прежде чем его сожгут в холодном пламени, я хочу его видеть. Это понятно?
- Да, – выдавил сквозь зубы Вернон. – Хотя не пойму, зачем тебе этот отщепенец. Не проще прикончить его и сбросить в канаву?
- Приведи его ко мне, – с нажимом повторил пришелец. – А потом делай что хочешь.
- Понял.
- Этот человек* снова повернулся к окну и произнёс почти неслышно:
- Хорошо.
- Архимаг понял, что разговор окончен, поэтому поспешил окликнуть своего господина:
- Грогган?

Тот лишь слегка качнул головой в знак того, что слушает. Вернон, изобразив любопытство, небрежно спросил:

– Это ты разнёс Квисленд?

Грогган повернулся, и пустой взгляд на мгновение разверз в воображении архимага ледяную бездну, которая таилась внутри прищельца. По мыслям Вернона пошло онемение, плавно спускающееся всё глубже – туда, где сжалась в испуге его душа. Это было очень страшно – смотреть в глаза тому, кто мановением пальца может обратить тебя в пыль, но архимаг изо всех сил старался не отвести взгляд.

А потом Грогган ушёл. Без шума, без вспышек – как всегда, словно его и не было. Вернон с облегчением вздохнул и закрыл глаза.

Каждая встреча с *этим человеком* будто медленно его убивала, но архимаг знал, на что шёл. Он знал, что когда-нибудь привыкнет, перестанет замирать, как кролик перед удавом. А однажды он тоже посмотрит на *этого человека* сверху вниз.

Нужно только запастись терпением.

* * *

– Да сколько же это будет продолжаться?

Под ногами мерзко хлюпало. Сырость пробиралась под одежду, вызывая озноб.

– Сначала холод и снег, а теперь эта вонь и мерзкая жижа! Когда уже будет нормальная кровать?

Сгущающиеся сумерки постепенно поглощали окружающий пейзаж, скрывая в тумане редкие деревца и островки растительности, торчащие из грязной воды. Где-то неподалёку кричала одинокая выпь. Укоротившийся осенний день умирал, давая жизнь набирающей силу ночи.

– Знал же, ничего хорошего не будет. Сидел бы дома, так нет же, попёрся с вами!

– Всё, привал, – скомандовал я, игнорируя привычное нытьё гнома.

Мы вышли на очередной островок земли, заросший чахлым багульником и болотным миртом. Чтобы устроить стоянку, пришлось расчистить немного места. От всеобъемлющей сырости даже сушняк горел очень неохотно, но всё же это было лучше, чем в горах. На огонь почти сразу попала лысуха, убитая Рэном после обеда.

– Я так понимаю, это ещё не болото, – высказался я за ужином.

– Да, судя по всему, основные топи впереди, – отозвался Рэн. – Местность понижается, воды становится всё больше.

Гном только закатил глаза и закинул в рот кусок утки.

– Ты уверен, что мы найдём дорогу? – я поднял глаза на пуэри.

– Могу гарантировать, что не утонем, если никто не будет лезть впереди меня. Поблуждать придётся, конечно, как без этого... Сколько, говоришь, лиг до западного края болота?

– Не меньше сорока.

– Большое... За месяц, думаю, выберемся. Если повезёт – меньше.

– Если повезёт? – не вытерпел Кир. – Повезёт?!

– С едой особых проблем быть не должно, – продолжал пуэри. – Многие виды птиц остаются до самых снегов. Кроме того, есть несколько видов ягод, которые вполне съедобны. Может, наткнёмся на лося, если они здесь водятся. Вот с питьевой водой могут быть проблемы.

– Насчёт этого не переживайте, – кивнул я. – Немного поигравшись с нужным заклинанием, можно создать очищающее.

– Не нравится мне здесь, – с кислой миной проворчал Кир.

– Это мы уже давно поняли, – невозмутимо отозвался Рэн.

– Нет, я не о том, – отмахнулся гном. – Здесь тянет чем-то не тем. Бородой чую, огребём мы здесь.

- С чего ты взял? – удивился пуэри.
- Интуиция подсказала! – огрызнулся в ответ копатель.
- Кто подсказал?

Я удивлённо взглянул на охотника. Вид у него был недоумевающий. Похоже, он действительно не понимал, о чем речь.

Однако я прекрасно понимал, о чём говорил гном. Ко мне тоже приходила беспричинная тревога – почти каждый раз, когда мы выдвигались с привала. Но слишком уж эта тревога была ненавязчивой, так что я просто от неё отмахивался. А между тем мерещилось не мне одному.

- Ты, наверное, ещё не знаешь это слово, – предположил я.
- Да нет, я, похоже, схватил его смысловую нагрузку, – задумчиво проговорил Рэн.
- Но?..
- Но, боюсь, пуэри не могут похвастаться наличием чутья или интуиции.
- В смысле? – опешил я.
- Я слышал и читал о том, что наши далёкие предки могли предчувствовать некоторые...

события. Это какой-то древний биологический механизм, неразрывно связанный с выживанием. Но мой народ совершенствовался десятки тысяч лет, необходимость в выживании отпала у нас давным-давно. Так что и эти предчувствия... исчезли. Пуэри не руководствуются наитием, потому что его у нас не бывает, – Рэн пожал плечами. – Видимо, у остальных рас это не так.

- У остальных рас ещё много чего не так, – со вздохом согласился я.

А про себя добавил: «к сожалению».

– Не знаю, – поразмыслив, с сомнением протянул гном. – Я без своей чуйки давно бы на корм глубинным тварям пошёл. И сейчас она мне подсказывает, что лучше бы нам поскорее из этого болота свалить.

- Тут я твою чуйку полностью поддерживаю, – вздохнул я. – Нам некогда особо блуждать. Кир с Рэном переглянулись, и охотник спросил осторожно:
 - Думаешь, она в беде?

Все понимали, что он имеет в виду Лину. Мои спутники будто приняли негласное правило не говорить о ней, словно это была какая-то болезненная тема. Все знали, что мы идём на поиски моей ученицы, но у каждого, видимо, имелось мнение, которое он оставлял при себе. Это бы раздражало меня, не скажи я с самого начала, что никого не держу. А так они просто вели себя как чудаки – ну чего, спрашивается, изображать тактичность там, где это не требуется?

Но на этот раз пуэри, видимо, просто не выдержал.

- Сам знаешь, – ответил я. – Надейся на лучшее, готовься к худшему.
- В худшем случае она уже мертва, – брякнул Кир и, обожжённый взглядом Рэна, пожал плечами: – Что? Он сам это понимает.
- Да, понимаю, – согласился я, глядя в потухающий костёр. – Но на лучшее всё равно надеюсь. И исхожу из того, что она жива.

На этом разговор закончился. А потом мы легли спать, и мне снова приснился сон, в котором я слышал смех Лины среди леса зеркал. Он снился мне почти каждую ночь, в разных вариациях, но каждый раз всё заканчивалось тем, что я бежал к Лине, стоящей ко мне спиной, брал за руку, и это снова оказывалась не она. Кто угодно, только не она. Будто разум мой насмеялся над наивностью души, дразнил её, щёлкал по носу – смотри, какая ты глупая! А душа только металась в беспокойстве, не обращая внимания на издевательства. Она и в самом деле глупая, что ж теперь подделаешь? И сон повторялся, каждый раз словно впервые.

Наутро я ощущал себя словно блаженный нищий. Без Лины мне было плохо, я переживал за её судьбу и вообще всё время находился в напряжении. Но само наличие этого напряжения говорило о том, что у меня есть кое-что за душой. Сколько бы трудностей и тягот мне

не выпало, в какой бы грязи или холоде я не просыпался, существовало нечто, отодвигающее всё остальное на второй план. И это нечто было не где-то, а у меня внутри.

А что будет, когда Лина найдётся, я старался не думать.

* * *

Мы день за днём пробирались вглубь болот. К счастью, без особых приключений. Как и предсказывал Рэн, воды становилось всё больше, и теперь нам редко удавалось высушить обувь – идти порой приходилось по колено в болотной жиже. Растительность редела, живность мельчала; мы оказались в вотчине мхов и мошкар, которая тучами звенела вокруг нас на протяжении всего пути. Хуже всего было то, что эти мелкие кровососы зверели день ото дня – ведь их время уходило вместе с остатками летнего тепла.

Я уже побаивался угробить здоровье в этом путешествии – сначала постоянный холод и ветер в горах, а теперь промозглость и грязь в болотах. В таких условиях даже безупречно здоровый человек может обзавестись целым букетом хронических болезней. Правда, у нас была профилактика: Рэн при каждом удобном случае собирал целебные травы и корни, а потом заставлял нас пить горькие отвары. Я не знал, насколько они эффективны, но очень надеялся, что давлось этой гадостью не зря.

Больше недели минуло с тех пор, как мы вошли в Чернотопье. Идти становилось всё сложнее – и вовсе не из-за зловонной жижи или колючек. На каждом привале наваливалась усталость, которая накапливалась даже несмотря на отдых. Каждый день приходилось прикладывать больше усилий, чем в предыдущий – чтобы встать, чтобы шагнуть, чтобы говорить. То ли походная рутина нас доконала, то ли ещё что, но настроение у нашей компании основательно подпортилось. Разговоры не клеились. Даже постоянное нытьё гнома, иногда поднимающее настроение, приелось и превратилось в фон. Это было странно. Обычно первым уставал я: у Кира была его гномья выносливость, а у Рэна – более совершенное во всех отношениях тело и многолетние тренировки. Но в последние пару дней усталость подкосила даже моих друзей. Словно треклятое болото вытягивало из нас душевные силы.

– Сколько мы прошли? – остановившись, спросил я.

Рэн опустил на болотную кочку и с прищуром огляделся. По сравнению со мной он выглядел неплохо, но по большому счёту на него жалко было смотреть. Мы вообще напоминали компанию унылых бродяг, ночующих в выгребной яме. Впрочем, пейзаж к этому очень располагал.

– Кто знает, – сказал пуэри, вытягивая натруженные ноги. – Я бы сказал, что около десяти лиг. Но путь был извилистым, так что по прямой намного меньше.

– Не думал, что когда-нибудь скажу это, но жду не дождусь, когда уже начнутся людские селения, – пробурчал гном, развязывая охапку хвороста.

Сумерки уже начали скрадывать очертания топей, поэтому мы остановились на ближайшем островке твёрдой земли на ночлег.

– Не уверен, что там будет намного лучше, – отозвался я, ударяя кресалом по кремню. Подсохший мох начал тлеть, и я быстро набросил сверху пару хворостин.

– По крайней мере, не так сыро, – пожал плечами Рэн. – Ну и там всяко интереснее, чем здесь.

Я поднял на него взгляд.

– Хочешь поближе познакомиться с человечеством?

– Конечно. Я же читал о нём только в манускриптах.

Усмешка сорвалась с моих губ помимо воли.

– И что же там было написано?

– Много чего. Пуэри изучали людей исключительно со стороны. В разрезе нашего понимания мироустройства вы выглядите... чудиками. Впрочем, это должно быть взаимно.

– Так и есть. Но ты можешь сказать точнее, что о нас писали?

– Например? М-м, дай подумать. Что в вас сильно животное начало. Что у вас очень развиты стадные инстинкты, но атрофировано общевидовое сознание. Что в одном мире, населённом людьми, из-за разрозненности и разобщённости могут встречаться десятки и даже сотни разных культур, которые восходят к одним и тем же истокам. Ну и много ещё чего, не вижу смысла перечислять дальше. Всё равно это всего лишь книги. Одно дело читать о вас, и совсем другое – увидеть воочию.

Кир хрюкнул в бороду, но воздержался от комментариев. А я смотрел на Рэна и не мог понять: он что, правда совсем не понимает, что такое люди?

– А ты не боишься разочароваться? – осторожно спросил я.

– Да брось! – улыбнулся пуэри. – Я наслышан о людских странностях. Вы как тролль в посудной лавке – воплощение хаоса. Никакого сравнения с другими расами. От людей нужно ожидать чего угодно, это ясно, как день.

– Так-то оно так, – я с сомнением почесал в затылке. – Но одно дело быть наслышанным, и совсем другое – столкнуться воочию. Ты бы лучше не недооценивал наше умение разочаровывать. К этому у нас большой талант.

– Как-то это непатриотично звучит из твоих уст, – вздохнул охотник. – И всё же я думаю... Эй, что там?

Он вглядывался правее моего левого плеча. Мы с Киром как по команде обернулись и довольно долго вглядывались в темноту, но так ничего и не увидели.

– Где?

– Как будто тень какая-то промелькнула.

– Да птица небось, – копатель махнул рукой. У него это получилось настолько небрежно и буднично, что мы с Рэном тоже успокоились и отвернулись.

Однако когда позади меня раздался отчётливый всплеск, все трое вскочили на ноги и вооружились.

– Не слишком-то похоже на птицу, – встревожился охотник.

– Может, большая птица? – с заметной долей сомнения продолжил гном.

– Не-е-ет, – протянул я. – Шлёпнуло будто веслом. Широким таким веслом.

Мы напряжённо вглядывались во мрак. Как назло, к вечеру небо затянуло, так что темнота стояла, хоть глаз выколи, и даже Рэн не мог ничего разглядеть. А я всё думал: что за болотная живность может издавать такой звук? И в голову никто не приходил.

Со стороны топей, чуть левее места, откуда был всплеск, раздался стрёкот. Естественно, совсем не похожий на трескотню насекомых. Слишком уж хищный.

– Что за чертовщина? – гном покрепче стиснул в руках топор.

Видимо, он сказал это слишком громко, потому что в ответ ему прозвучал приглушенный рык и тот же стрёкот – с запада, юга, востока. Мы тут же встали спина к спине, выпучив глаза в темноту, которая в один миг угрожающе нависла над нами.

– Их много, – сказал Рэн. – И они поняли, что их заметили.

Знакомое чувство тревоги всплыло откуда-то с глубин сознания, только на этот раз прихватило с собой изрядную долю страха. От него даже шевелиться стало труднее.

– Они нас окружили, – выдавил я сквозь зубы.

Почему-то на меня накатила злость.

– Ну и что будем делать? – спросил гном.

– Поглядим, что за твари.

* * *

Рэн вглядывался в темноту. Если бы хоть что-то шевельнулось в ней, он бы тотчас это заметил, но даже его зрение ничего не могло различить. На слух выходило, что врагов не меньше пяти, но сколько ещё их прячется неподалёку? Был бы свет костра чуть ярче!

Едва он подумал об этом, как темноту вспорола ослепительная вспышка. В спину ударил жар, и пуэри в испуге отпрыгнул, обернулся: их маленький костёр ударил в небо ревущим огненным столпом.

– Да вашу ж мать! – рявкнул гном, поскользнувшийся от неожиданности. – Что за херня?!

– Зато теперь их видно, – процедил человек сквозь зубы.

Пуэри резко обернулся и столкнулся взглядами с монстром. Весь в толстой чешуе, похожий на крокодила с чрезвычайно развитыми конечностями, мутант стоял на самой границе видимости. Широкие и длинные стопы, руки снаряжены острыми костяными наростами и перепонками, туловище согнуто, образуя горб, из которого торчат заострённые шипы. Глубоко посаженные маленькие глаза, массивные надбровные дуги, вместо носа – вытянутое отверстие чуть пониже глазниц, пасть широкая, челюсть не смыкается до конца из-за нескольких мощных клыков. В уголках пасти трепетал широкий язык, который и издавал тот самый стрёкот.

– Ну и уродина! – Кир перекинул топор в другую руку. – Ну и как, образина, драться что ли будем?

– Это вряд ли, – бросил Энормис.

Хищник внимательно смотрел на самого высокого двуногого в отряде, изредка порывавая и беспрестанно стрекоча. Чародей отвечал ему взаимностью, глядя исподлобья. Рэн видел, как другие мутанты двигаются по самой границе света, обступая маленький отряд со всех сторон. Их было не меньше дюжины.

– Мне кажется намерения у них самые серьёзные, – сказал охотник. – Будьте готовы...

Он не успел договорить, потому что Энормис шагнул навстречу хищнику и сам вдруг вспыхнул, как факел; языки пламени, объявшие его со всех сторон, были ярко-фиолетовыми.

– А ну-ка свалили отсюда! – рявкнул чародей не своим голосом.

Даже у Рэна сердце ёкнуло от страха от этого выкрика. Монстр же вздрогнул, напряжился, рыкнул. Решительности в нём явно поубавилось; мутант постоял немного, попятился и растворился в темноте. Другие тени, словно нехотя, тоже постепенно исчезли, стрёкот отдалился. Едва стихли последние шлепки плоских лап, Энормис снова стал человеком, а костёр вернулся к прежней яркости. Болото снова погрузилось во мрак.

В этой полутьме чародей не спеша вернулся на своё место и сел, как ни в чём не бывало. Воздух парализовала тишина, нарушаемая только треском догорающих дров.

– Здорово ты их испугал, конечно, – сказал гном подчёркнуто нейтральным тоном. – Но нас-то мог бы и предупредить.

– «Сейчас буду пугать»? – спросил Энормис, жуя мясо. – Сработало ведь.

– Да уж, сработало. Был миг, когда я сам тебе чуть череп не раскрыл с перепугу!

Человек только пожал плечами. Кир постоял немного и вернулся на своё место, продолжив уже спокойнее:

– Это уже тревожит, знаешь ли. Ты пришёл ко мне с просьбой отвести тебя на Глубины. Знаешь, насколько это странно? Потом ты в одиночку валишь тролля и каким-то чудом выживаешь со смертельными ранами. Говоришь с Тенью. Протаскиваешь нас через залы. Вытворяешь всякое. И всё это время с такими замашками, будто... – гном запнулся, подбирая слова.

– Будто я не человек? – спросил Энормис с вызовом.

Копатель засопел, но промолчал.

– Ты даже половины не знаешь, – бросил чародей. – Я и есть не человек, Кир. Не смотри, что я на него похож.

– И кто ты тогда?

– А не знаю! – всплеснул руками Энормис, и голос его дрогнул. – Ты думаешь, меня самого всё это не тревожит? Думаешь, оно мне нравится – быть чёрт знает кем? Однажды я уснул, будучи чародеем девятой ступени, а проснулся уже одиннадцатой. А ещё я говорю на любом языке – хочешь, пожелаю тебе доброго вечера на древнегарадском? И это всё ерунда по сравнению с тем, что я узнал у Оракула. У меня нет родителей, Кир! Их нет, и никогда не было! Как мне прикажешь себя чувствовать? Нормально?

Гном молчал.

– Я сам себя иногда боюсь, – продолжил чародей уже спокойнее. – И это не такой страх, как «Ох, да что же я творю?». Это страх «Да что же я такое?», и он намного хуже, потому что ответа на этот вопрос у меня нет. Я с ним живу все эти годы, приятель. Мне даже себя нечем успокоить, не то, что тебя.

Гном молчал.

– Мне иногда кажется, что это всё – сон, и что я скоро проснусь в своей нормальной, обычной жизни, в которой у меня нет совершенно никаких странностей. Мне очень хочется, чтобы это оказалось правдой. Вот только это не сон. Нет у меня никакой другой жизни, где всё хорошо и понятно. Мне кажется, лучше с этим смириться уже. И смириться с тем, что я не человек. Уж скорее я химера. И теперь у нас два варианта. Либо ты, как и я, с этим смиришься, либо лучше нам разбежаться.

Гном молчал. Рэн тоже молчал – чувствовал, что разговор Энормису крайне неприятен, что эти слова зрели внутри него уже давно, а он всё надеялся, что ему не придётся их произносить. И теперь чародей, несмотря на показное спокойствие, сидел как на иголках. Кир же то ли этого не замечал, то ли умышленно игнорировал.

Повисло неловкое молчание. Пуэри выждал немного и решил вмешаться.

– А мне не важно, как ты хочешь себя называть, – сказал он. – Ярлык можно приклеить любой. Если обращать на них слишком много внимания, правды в этом мире не найти. Меня вполне устраивает то, какой ты без словесной шелухи.

Энормис вздохнул, не поднимая головы. По его изменившейся позе стало понятно, что утешение Рэна вышло слабым, но всё же действенным. Он будто бы даже расслабился.

– Да меня в целом тоже устраивает, – подал голос Кир. – Просто я всё никак не привыкну к этим безумным выходкам.

Насчёт безумств у пуэри тоже было своё мнение, но он решил его не озвучивать – как и то, что сказали ему в горах Муалим и не-Энормис. Рэн терпеть не мог тайн и недомолвок, но ради всеобщего спокойствия одну готов был хранить.

– Зато действовало, – хмыкнул охотник и, желая подвести черту под этой темой, завёл новую: – Как думаете, что это за существа?

– Мутанты, – пожал плечами человек. – Я про таких не слышал.

– Да уж. На обычных зверей не похожи, – согласился гном.

– Ведут себя, как стая волков. Сегодня я их отогнал, но не похоже, что они сильно испугались. Их было не так уж много, завтра они могут вернуться большим числом, и тогда красочными иллюзиями мы уже не отделаемся.

– Думаешь, вернутся?

– Мы вошли в их владения, – вставил Рэн. – Если они хищники, то чужаков терпеть не будут.

– И каков план?

– А что тут придумаешь? – всплеснул руками чародей. – Пойдём дальше, не поворачивать же в самом деле назад. Вдруг обойдётся?

– А если не обойдётся, ты нас предупредишь, прежде чем херачить своей магией? – не унимался Кир.

– Предупрежу, предупрежу. Давайте уже спать ложитесь, я первый подежурю. Мутанты могут объявиться в любую минуту.

* * *

Вопреки опасениям отряда твари не напали ни на следующий день, ни через один. Они только ходили где-то поблизости ещё три дня, стрекотали из густого тумана и подступающих сумерек, но не появлялись на виду, словно выжидая.

Троица упорно шла дальше, но напряжение росло. Рэн всё чаще озирался по сторонам, гном за его спиной всё цветистее ругался сквозь зубы, а в глазах человека то и дело мелькал мрачный огонёк. Их будто сопровождали, на расстоянии, но ни на минуту не давая забыть о том, что где-то неподалёку притаился хищник, который может напасть когда угодно.

Три полных дня маленький отряд готовился к нападению. Как назло, болота окутал туман, в котором даже на сотню аршинов редко что было видно. Холодало, временами моросил дождь, не дававший одежде высохнуть. Три полных дня длилось молчаливое, напряжённое шествие, пока к концу третьих суток Рэн не заметил, что вода пошла на убыль.

– Земля уже не такая мягкая, – сообщил он товарищам перед ночлегом. – Мы поднимаемся.

– Неужто болота кончаются?

– Нет, – покачал головой охотник. – Больше похоже на то, что впереди возвышенность.

– Большая?

– Не знаю.

– Странно, – сказал Энормис. – Возвышенность среди топей.

– Но нам это на руку, – возразил гном. – Если мы взберёмся на холм, обороняться будет хоть как проще.

– Если только на холме не их гнездо.

– Да с чего ты взял? Это же явно болотники какие-то.

– Это-то и настораживает. Они не нападают, только ведут нас. А впереди возвышенность. Если я не ошибся в подсчётах, мы сейчас примерно посередине Чернотопья, какие тут могут быть холмы?

– О, – отозвался гном. – Хм...

Именно в этот момент над болотами разнеслось приглушённое рычание. Сначала одного существа, потом нескольких. И всё оттуда, откуда пришёл отряд.

Все тут же оказались на ногах.

– Началось, – чётко выговорил Энормис. – Собираем манатки.

Нападения ждали долго, поэтому дважды повторять не пришлось. Пока в шесть рук спешно сворачивали лагерь, Кир обернулся и с удивлением воскликнул:

– Мне кажется, или они только с одной стороны?

Рэн прислушался.

– Кажется, да, – он затянул завязки на своём мешке. – Придётся взбираться на холм!

– Давайте, бегом! – крикнул чародей и первым сорвался с места.

– Стой! – окрикнул его охотник. – В трясину же угодишь.

Но он зря волновался. Земля почти сразу приобрела наклон, и чем дальше они бежали, тем твёрже становилась почва под ногами. Склон уводил на север; беглецы, не сговариваясь, повернули, чтобы бежать чётко наверх. Преследовали рычали позади, оставаясь под прикрытием темноты и тумана, но и не отставали. А Рэн подумал: «Почему? Они ведь запросто могли бы нас догнать...» И его тут же осенило.

– Они просто гонят нас! – крикнул он. – Гонят наверх!

– Просто боятся напасть в открытую! И боятся того, что наверху! – Эн на бегу зажёг люмик.

– Там что-то есть! – Кир указал вперёд.

Там из-за полосы тумана выглядывало нечто высокое и правильное. Слишком правильное.

– Да это же стена! – изумился гном, когда они подбежали поближе. – Сожри меня Бездна, крепостная стена! В центре топей!

Камень растрескался и замшел, кладка покосилась и местами осыпалась, но для беглецов стена всё ещё оставалась неприступной, возвышаясь на два с лишним человеческих роста.

Сзади раздался рык, и все трое оглянулись. В трёх саженях за спиной Кира, бежавшего последним, стоял болотный монстр, уже готовый к прыжку и скалящий свою уродливую пасть. Он оттолкнулся от земли, и без сомнения покрыл бы всё расстояние, если бы не заклинание Энормиса: тугая воздушная волна обрушилась на мутанта и ударила его о землю, да так сильно, что он отскочил от неё точно мяч.

Но этого оказалось недостаточно, чтобы свалить чудовище. Болотник, разрывая землю когтистыми лапами, перевернулся и попытался встать.

– До чего живучие, твари! – сердито прокричал копатель. – И как тихо передвигаются!

– Давайте за мной! – чародей бросился вдоль стены. – Если это крепость, то где-то есть ворота!

Они снова бежали. Теперь рык хищников раздавался не только сзади, но и справа, так что единственным спасением могла стать только брешь в стене. Положение ухудшалось с каждой секундой, но через полминуты все поняли, что может быть намного хуже.

Люмик вдруг вырвал из темноты массивную внешнюю башню с несколькими бойницами. Она выступала из стены как обломанный каменный клык; обойдя её, отряд остановился.

– А вот и ворота, – сказал, точно сплюнул, человек.

За первой башней высилась вторая, а между ними действительно обнаружились каменные ворота. Вот только они были закрыты и давно вросли в землю, а вокруг валялось множество костей. Человеческих.

Кир первым вышел из оцепенения и толкнул ворота.

– А, Бездна! Они заперты с той стороны! Бежим дальше!

– Поздно, – бросил Энормис. – Слушайте.

Рычание раздавалось со всех сторон. На самой границе тьмы и тумана мелькали тёмные фигуры мутантов, подходящих всё ближе и ближе. Судя по всему, они подбирали момент для стремительной атаки.

– Но здесь мы тоже не пройдем! – гном яростно пнул створки. Те даже не шелохнулись. – Возьми да перенеси нас на ту сторону, тут же недалеко совсем!

– Это вряд ли, – покачал головой чародей. – В эту крепость, к сожалению, можно попасть только через ворота.

– Почему?

Вместо ответа Энормис подобрал с земли косточку и бросил через стену. Та взлетела намного выше стены, но отскочила, встретившись с невидимой преградой. Человек молча развёл руками.

Рэн и сам чувствовал, что замок этот скрывает в себе нечто недоброе – от него тянуло магией, которую пуэри не мог назвать иначе, как тошнотворной. А ещё здесь чувствовался страх, который будто въелся в сам камень. Страх и смерть.

– Ну и какие наши варианты? – сварливо выкрикнул гном.

– Наш единственный вариант – драться.

– Не совсем, – сказал охотник, подбежав к одной из башен. – Здесь трещина, довольно широкая.

Через секунду Кир и Энормис стояли рядом с ним. Именно в этом месте в башню, похоже, угодил тяжёлый снаряд: он сломал кладку и вдавил несколько блоков внутрь. В темноте внизу явно было какое-то помещение.

– Ничего не выйдет, – заключил гном. – Здесь слишком узко, я просто не пролезу.

– Я тоже, – сказал Эн. – Тут протиснешься только ты, Рэн.

Болотники рычали всё ближе. Кир от души выругался.

– Рэн, лезь! – чародей перехватил меч поудобнее. – Найди выход во внутренний двор, открой ворота. Мы тут справимся. Давай, пошёл!

Не тратя больше времени на слова, он отбежал к воротам и взмахнул руками; между башен тотчас вспыхнула бледно-голубая стена магического щита. Мутанты, отрезанные от добычи, застрекотали и начали бросаться на преграду точно безумные.

Прежде чем отвернуться, пуэри успел увидеть, как Кир и Энормис, изготовив оружие, встали плечом к плечу против бешеной стаи.

* * *

Пролезть в небольшое искривлённое отверстие даже худому и гибкому Рэну оказалось сложно. Ободрав бока, охотник протолкнул себя внутрь, но не успел сгруппироваться и рухнул в темноту, сильно ударившись головой. На миг оглохнув и ослепнув от боли, пуэри схватился за уши и попытался встать.

Сначала из кровавого тумана вынырнула рука, испачканная в крови. Затем вспыхнула трещина в стене – по ту сторону шёл бой. И, наконец, пришёл холод.

Рэн стоял по колено в ледяной воде. Темнота подземелья, словно нехотя, рассеивалась, хотя лучше от этого не становилось – перед глазами всё плыло. Ноги, запинаясь о воду, передвинулись – шлюп, шлип, шлёп. Дурнота. В ней плескалось помещение – тесное, с низким потолком и пузатыми стенами. Среди замшелых каменных блоков торчали железные кольца, на которых висели ржавые остатки цепей. В дальней стене темнел проём. Ноги сами собой понесли охотника к нему.

Голова гудела, точно металлический котёл, по которому колотили молотами десять кузнецов сразу. Обоняние обжигала вонь, которую Рэн не мог распознать. В мозгу металась ошалелая мысль о том, что нужно идти, но куда? Пуэри не мог вспомнить. Поэтому шёл наугад.

Подземелье казалось бесконечным – или же у охотника просто отказало чувство времени. Света от анимы не хватало, чтобы ясно различать окружение, так что пуэри перемещался от силуэта к силуэту. Чёрное пятно в углу оказалось горой полусгнивших доспехов. То, что Рэн принял за занавеску, вдруг жалобно скрипнуло от его прикосновения и обвалилось – это была проржавевшая решётка. Под ноги то и дело попадалось что-то твёрдое, из-за чего охотник пару раз едва не упал, но при этом и не подумал наклониться и посмотреть, что это. Просто не сообразил.

Каким-то чудом пуэри вышел в коридор, где через равные промежутки из стены торчали держатели для факелов – разумеется, пустые. Потом был круглый зал с множеством камер, отгороженных решётками. Вокруг не было ни души, но охотник всё отчётливее ощущал чьё-то присутствие, даже сквозь туман в раскалывающейся голове. Рэн дёргано озибался, вертелся из стороны в сторону, но видел лишь темноту, которая комями сгущалась поодаль. А потом он забрёл в комнату с каменным столбом посередине, и вдруг ощутил, как в голове проясняется.

На столбе был распят мертвец. Руки и ноги прикованы стальными обручами, каждая по отдельности. На шее – массивный железный обруч. В темноте тело казалось совсем свежим, но стоило Рэну зажечь крошечный люмик, как оно обратилось в мумию. Кожа высохла, посерела, облепила кости; вокруг рта покойника засохла белёсая слизь, нос провалился, запястья и щиколотки совсем почернели от соприкосновения с ржавым металлом. В дырах на щеках

проглядывали кривые жёлтые зубы. На шее у трупа висел какой-то кулон. Рэн, постепенно приходя в себя, наклонился поближе, чтобы рассмотреть безделушку.

И тут мертвец закричал. Громко, пронзительно, истошно – как живой человек, с которого по меньшей мере сдирают кожу. Его вопль точно ножом разрезал завесу в голове пуэри, разнёсся по подземелью, вкрутился в уши, а Рэн даже не мог их зажать. Он только пытался, вытаращившись на мученика; тот бешено рвался и извивался в путах, которые, несмотря на все его усилия, не поддавались ни на гран.

В этом вопле слышались слова, которых Рэн не знал, и мучения, которых он не ведал. На миг охотнику даже показалось, что так звучит вечность, переполненная болью – настолько душераздирающе звенел крик. И чем дальше, тем меньше он напоминал человеческий.

Сердце зашло в барабанной дробь. Кожа покрылась ледяными мурашками. На миг проскочила мысль: «мне снится кошмар». Рэн даже зажмурился, надеясь не то сморгнуть увиденное, не то проснуться.

Но когда его глаза снова открылись, стало ещё хуже.

Вокруг стояли мертвецы. Десятки мертвецов. Как и распятый, они сохранили мало человеческого – разве что форму. И все они смотрели на столб, на котором извивался их собрат.

От неожиданности пуэри вскрикнул и снова попытался прогнать наваждение, но напрасно. Его крик словно вывел толпу из оцепенения: человеческие голоса начали выстреливать из высохших глоток один за другим – вопли боли, истеричный смех, плач, рычание. Вкупе с криком распятого эти звуки так резали уши, что пуэри зажал их руками. Рэну хотелось убежать, но кадавры – язык бы не повернулся назвать их людьми – стояли слишком плотно, без малейшего просвета. Больше того – толпа пришла в движение.

Сначала охотник подумал, что всё это иллюзия, но после первого же толчка в бок понял, что всё совсем не так. И только тогда сорвался с места.

Его хватали за руки, ноги, плечи, в него врезались всем туловищем и хрипели прямо в уши, но пуэри остервенело пробивался прочь из этой толчеи. На первый взгляд вялые и неуклюжие, кадавры порой начинали двигаться с пугающей быстротой. Они нападали не только на Рэна, но и друг на друга: валились в воду, били наотмашь, впивались беззубыми ртами в кожу, но тела их были словно заговорённые – они высохли и почернели, но никак не распадались в прах.

Чьи-то пальцы ухватили Рэна за лодыжку, он потерял равновесие и упал; из воды прямо ему в лицо скалился проломленный череп. Орущая толпа тотчас обрушилась сверху, придавила, ткнула носом в груды костей. Руки упёрлись в пол, толкнули его – без толку, слишком тяжело. Рот распахнулся, выпуская в воду панический крик, который пузырями скользил по лицу наверх, туда, куда охотник не мог выбраться. Нет, он не понимал, что лишает себя последнего воздуха. Вместо дурноты в его голову неистово стучалось безумие, а в глаза с любопытством заглянула сама Смерть.

За несколько мгновений до того, как пуэри втянул в лёгкие воду, что-то щёлкнуло у него в уме – и альтер, сминая пространство, вырвался из Эфира. Он в два счёта раскидал тела, что мешали Рэну подняться; через миг охотник уже стоял на четвереньках и дышал через кашель. Сделав своё дело, двойник тут же исчез. Пуэри, не теряя времени, снова побежал.

Толпа поредела, бежать стало проще, но легче от этого не становилось. Охотник понятия не имел, куда бежит, превратившись в чистый рефлекс. Если бы он начал думать, то непременно сошёл бы с ума. Он увидел, как один из мертвецов с жутким криком бился головой о стену – смачно, с оттягом – и при каждом ударе череп с хрустом проминался, а потом снова восстанавливал форму. Словно плети хлестали срывающиеся голоса, а громче всех где-то позади исходил воплями распятый.

Рэн метался среди искорёженных временем не-трупов в ужасе – от того, что оказался в желудке огромного каменного монстра, который переваривал не тела своих жертв, но их души.

Казалось, ещё немного, и разум охотника сотрётся, исчезнет, оставив после себя лишь неумирающую телесную оболочку. Тогда последний в мире пуэри останется здесь, в пропитанной мучениями и страхом темноте... навечно.

Каким-то чудом ноги вынесли Рэна на лестницу. Навстречу ему вышел солдат в полном доспехе, с копьём – и прежде, чем пуэри успел хоть что-то предпринять, прошёл сквозь него. Чувство от этого возникло такое, словно в охотника ударила молния, а призрак его даже не заметил. Он просто дошёл до последней ступеньки и исчез.

Рэн сломя голову бросился дальше. Анима налилась чистой синевой и жгла горло, альтер в Эфире бесновался – от висящей в воздухе магии было трудно дышать. А может, это замок хотел задушить последнего из живых?

Одолев два пролёта, пуэри ввалился в комнату, где прямо на потолочном крюке висел, раскачиваясь, скелет. Каким-то образом он не только не рассыпался, но и вообще не умер – он щёлкал челюстью, дёргал фалангами верёвку и дрыгал ногами, точно вытанцовывая нечто дьявольское под стук собственных костей. В отличие от остальных несчастных, он будто бы понял, что Рэн ещё живой, а потому при виде него забился ещё сильнее, замахал руками. Однако верёвка, обхватившая его шейные позвонки, словно была из гибкой стали – сколько бы времени не прошло, она ничуть не истлела.

Вжимаясь в стену, охотник двинулся вдоль неё. Силы его были на исходе – за вызов альтера в чужой для него материальный мир пуэри буквально расплачивался своим здоровьем. Скелет выгибался дугой, клацал челюстями и пытался дотянуться до охотника, но не мог. Вдруг потянуло свежим воздухом; Рэн быстро огляделся, и, обнаружив дверной проём, кинулся туда.

В соседней комнате за столом сидела ещё одна мумия, бьющая себя в грудь кинжалом; охотник на неё почти не посмотрел. Он увидел выход на улицу.

Едва над головой между башней и стеной мелькнуло чёрное небо, ноги пуэри подкосились. Он упал прямо в подворотне, в густую мокрую траву, которая за бесчисленные годы вскрыла и искорежила древнюю брусчатку.

Какое-то время Рэн просто лежал и наслаждался дождём, не в силах ни о чём думать. Потом он словно случайно вспомнил о друзьях, которые прямо сейчас ожидали его подмоги, и с трудом поднялся. Впереди виднелся проход во двор. С полным ощущением, что худшее позади, охотник направился туда.

Но стоило пройти несколько шагов, как кошмар заиграл новыми красками.

* * *

– В сторону! – крикнул я, бросая очередную ледяную глыбу.

Кир проворно отскочил, и снаряд, пролетев мимо него, смёл двух мутантов, зашедших копателю за спину. Почти сразу пришлось и самому прыгать в сторону, чтобы избежать встречи с когтями другого хищника. Гном тут же подоспел, с рёвом рубанул врага по шее; топориче не выдержало такого испытания и сломалось. Несмотря на это удар возымел действие – монстр повалился наземь со сломанным хребтом.

Это была уже третья атака, которую мы отбили. Щит мне пришлось убрать, потому что на него уходило слишком много сил – намного больше шансов у нас оставалось в рукопашной с применением магии, чем просто в рукопашной.

Я бросил Киру свой второй меч. Тот ловко поймал оружие и, снова становясь в стойку, выкрикнул:

– У меня три!

– Пять, – сказал я, держась за бок, в который совсем недавно угодил костяной шип ныне мёртвого мутанта.

Стая, хоть и уменьшившаяся в размерах, даже не думала отступать. Монстры, стрекоча, ходили по краю светового круга и снова выбирали момент для атаки. Их оставалось не меньше

двух десятков. Если бы не ливень, я бы просто забросал их огнешарами, но влажность сводила эффективность огненной магии на нет, так что экономить силы не получалось.

– Опять собираются, – Кир сплюнул. – Где уже там Рэн? А то меня, кажись, на всех не хватит!

– Что-то с ними не то, – сказал я, восстанавливая дыхание. – Атакуют как безумные. Для них это явно не просто охота.

– Да что ты говоришь! – копатель вытер лицо рукавом. – А я-то думал, что мы им настолько понравились, что они просто не могут нас отпустить!

Хищники снова подбирались всё ближе. Сначала они набросились гурьбой, но быстро сообразили, что так я просто раскидаю их магией. В третий раз они уже нападали поодиночке, стараясь окружить и зайти за спину. Мои ушибленные рёбра говорили в пользу того, что новая тактика работала лучше.

– Если так пойдёт, они нас просто возьмут измором, – я следил за приближающимися тварями. – Надеюсь, у Рэна там дела идут лучше.

– Не ной только, – отрезал Кир. – Отобьёмся. А если нет, то всё равно славно подрались. Я вон даже последний топор сломал...

– Ну-ну, давай без предсмертной храбрости. В этот раз попробуем встать чётко между башен. Когда поближе подойдут, я попробую их оглушить звуковым взрывом. Увидишь, что падаю – падай тоже. И уши зажимай.

– Мы сами-то этот взрыв переживём?

– Не знаю, но у меня больше идей нет. К тому же, у нас преимущество.

– Какое это?

– Мы знаем, что будет взрыв, а они – нет.

Гном на это только фыркнул.

– Всё равно нам конец, если Рэн не откроет ворота, – пробормотал я себе под нос.

Шестеро мутантов отделились от стаи и ровным полукругом пошли на нас, не переставая рычать.

Хочу на год назад, вдруг подумал я. Надоели приключения. Вот бы как тогда: спокойная, размеренная жизнь в замке, захотел – на прогулку уехал, захотел – спать завалился, не боишься никого и ничего, ешь вдоволь, одет и обут. Не то что сейчас.

Языки болотников затрепетали в знакомой манере – над холмом взвился хищный стрёкот. Когти всё сильнее цепляли грунт, оставляя глубокие борозды, в которые тотчас текла вода. Движения монстров были подчёркнуто неспешными, почти ленивыми, но в глазах их горела нетерпеливая злоба. Я переводил взгляд с одного мутанта на другого и прикидывал, кто из них попытается разорвать мне глотку первым.

Сзади раздался глухой стук.

Мы с Киром переглянулись.

– Рэн? – крикнул гном через плечо. – Это ты?

Ответа не последовало; вместо этого протяжно закрипела одна из створок. Мы с Киром, не сговариваясь, попятись. Хищники остановились и сверлили нас взглядами из глубины черепов.

Да они же не собираются нападать, осенило меня. Вот почему они гнали нас, а не окружили. Они тоже боялись. А почему? Да потому что я запугал их ещё при первой встрече. Переборщил. Наверное, они решили, что мы слишком опасны, чтобы шастать по их территории – поэтому стремились прогнать любой ценой.

Створка за нашими спинами дрогнула от удара. Потом ещё раз. Сдвинуть с места вросшую каменную плиту – та ещё задачка. А вросла она давно и прочно. Явно не пару столетий назад. Наверное, как раз тогда, когда случился этот дикий магический катаклизм, фон которого ощущается в Эфире до сих пор.

Постепенно ворота стали сдавать. Створка сначала сдвигалась рывками, поднимая перед собой землю, потом поползла плавнее. С другой стороны до нас донёсся крик Рэна, упирающегося изо всех сил. Вскоре образовалась щель, достаточная для того, чтобы просунуть в неё руку, и в ней показался толстый железный лом – пуэри пытался открыть ворота при помощи рычага, но тот оказался слишком ржавым и согнулся. Мы с Киром плюнули на мутантов, схватились за открывающуюся створку и, упираясь ногами в другую, потянули что было мочи. Воротина подалась; мы быстро протиснулись внутрь. На обратной стороне створки обнаружилось кольцо, потянув за которое мы вновь закрыли ворота, и тут же сползли на землю в изнеможении.

Стрёкот с другой стороны стены стихал.

– Я уж думал, ты пропал, – отдуваясь, сказал Кир.

А я вдруг почувствовал, что мне в замке очень не нравится. Не нравится настолько, что я бы предпочёл остаться наедине со стаей мутантов.

Магия этого места будто забиралась под кожу и ползала там сотнями жирных червей.

– Пойдёмте отсюда скорее, – сказал бледный, как полотно, Рэн. – Ни секунды здесь не хочу находиться.

– А в чём дело? – спросил гном, который не мог чувствовать того, что чувствовали носители Дара.

Пуэри только мотнул головой и, пошатываясь, пошёл вглубь замка. Мы с копателем переглянулись и пошли следом. Возле ближайшего угла Рэн остановился, чтобы подождать нас.

И тогда мы увидели.

В древних стенах сражались и умирали люди. Они выглядели как живые: можно было разглядеть каждую родинку на лице, каждую каплю крови, услышать каждый крик и предсмертный хрип. На лицах людей читались настоящие эмоции.

Но трава под ними не проминалась.

– Это призраки, – сказал, словно выплюнул, Рэн. – Они не видят нас. Можно пройти, – и пошёл в самую гущу сражения.

– Бездна, – выдохнул гном и, стиснув зубы, двинулся следом.

Замок оказался большим настолько, что вмещал в себя полноценный жилой район. Мы шли на запад, пытаясь сохранить направление в многочисленных поворотах. Камень местами так пропитался копотью, что даже многие века не смогли стереть эту черноту. Некоторые дома лежали в руинах, другие стояли разрушенные только наполовину. И всюду, всюду мелькали призраки.

Они делились на две группы: первые – в красных доспехах, вторые – в разномастной одежде, порой вообще не имеющей отношения к защите. Дрались они так, словно завтрашнего дня больше не существовало, а остался только сегодняшний бой. Да и не бой даже, а бойня: здесь не было атакующих и защищающихся. Были только истребляющие и истребляемые. А жертвами в итоге оказались все.

Сражение, закончившись, начиналось снова. Убитые исчезали и появлялись на прежнем месте, чтобы снова быть убитыми. Смерть здесь перешла в новое качество, из мига растянувшись на целую вечность. Настоящие тела погибших давно рассыпались прахом, а души их умирали снова и снова, но никак не могли умереть до конца. Феноменальный, чудовищный по своим масштабам *возврат* удерживал их между прошлым и будущим, обрекая на вечные муки. От боли и ужаса здесь кричал сам воздух – и мне казалось, что я дышу чистой смертью.

Следовало поскорее пробежать тот участок. Незачем нам было озираться и приглядываться к происходящему – среди нас не было наивных детей, каждый и так знал, насколько ужасной может быть война. Но мы всё же смотрели. Не могли не смотреть. Разлитая повсюду Ненависть властвовала в замке безраздельно, заполняла собой каждую трещинку, лезла в уши, глаза, нос и лишала воли, заставляя смотреть на себя, паршивую уродину, и трепетать.

Двое солдат, попавших в окружение, спиной к спине отбивались от десятка врагов. Их судьба не вызывала сомнений, но они всё равно сражались до последнего. И вот, один из них пропустил удар, другой, и упал под ноги товарищу, который даже не заметил этого в пылу сражения. Воин в красном доспехе, прикончивший первого солдата, просто воткнул в спину второму окровавленный до рукояти гладиус.

Мы шли дальше.

Вдоль одной из стен нападающие выстроили сдавшихся, поставив их на колени. Офицер в шлеме с высоким плюмажем переходил от одного пленника к другому. Он медленно, будто даже с наслаждением вскрывал глотки побеждённым и смотрел на бьющие из ран алые ключи. Обречённые не выдерживали, вскакивали и бросались на своих убийц. Их валили наземь и рубили на части, точно туши на бойне.

Дальше, на одной из улиц, через открытые двери одного из домов мы видели, как солдат насилует женщину, перегнув её через стол. Сзади к нему подскочил мальчик лет тринадцати и воткнул кухонный нож насильнику в хребет. Тот упал замертво. Парнишка подскочил к матери и попытался поднять её, чтобы увести. Женщина рыдала и не реагировала на сына. Уже через несколько секунд в дом вломились другие убийцы. Матери они распороли живот. Мальчишке вогнали его же нож под подбородок.

Я оглянулся на Рэна. На его лице застыла не гадливость даже, а какая-то смесь отвращения с отчаянием. Это меня взбесило. Конечно, снобизм более совершенной расы! Что он знает о людях, кроме прочитанного в книжках? Что он вообще знает о страданиях человеческой души? В их идеальном мире небось даже заноза в пальце считалась за тяжкую рану...

Но сказал ли я пуэри хоть слово? Конечно, нет. Его презрение к людям жгло меня не хуже калёного железа, но это не значит, что я сам их не презирал. А ещё я стыдился. Очень удобно было в тот момент думать – я всё же не человек. У меня нет родителей, нет судьбы – точно не человек. Я не имею отношения к расе, учинившей всё это. У меня нет ничего общего с теми, кто из века в век проливает океаны крови и слёз. Но почему же тогда так сильно, жгуче, до одури стыдно?

Несколько солдат в красном бросали схваченных в замке стариков, женщин и раненых в глубокую яму. Рядом стоял худой, осунувшийся человек в балахоне и отстранённо наблюдал за тем, как кричат и молят о пощаде люди, как они пытаются выбраться, хватаясь за края ямы, а солдаты, хохоча, отрубая им руки. Когда убийцы бросили в яму последнего из пленных, худой человек взмахнул руками – и её затопил жидкий огонь. Вопли сторающих заживо утонули в рёве пламени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.